

Б И Б Л И О Т Е К А

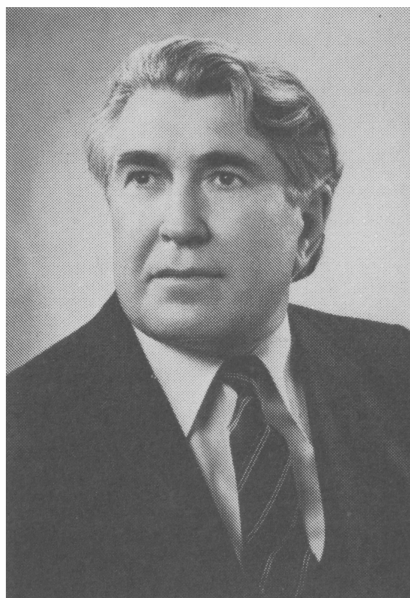
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 14

1989

Дмитрий ВАЛОВОЙ

АБСУРД В КВАДРАТЕ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 14

Издается с января 1925 года

Дмитрий ВАЛОВОЙ

АБСУРД В КВАДРАТЕ

СТАТЬИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Дмитрий ВАЛОВОЙ

Член Союза журналистов СССР Дмитрий Васильевич Валовой родился в 1927 году, участник Великой Отечественной войны, доктор экономических наук, профессор. Многие годы он был заместителем главного редактора «Экономической газеты», а последние двенадцать с лишним лет Д. В. Валовой работает в «Правде» заместителем главного редактора. В газетах и журналах он опубликовал сотни статей, в советских и зарубежных издательствах вышли в свет десятки его книг и брошюр.

АБСУРД В КВАДРАТЕ

Как же много у нас тех, кто верно служит его величеству «валу»!... До каких же пор мы будем вращаться в порочном кругу безнадежно устаревших представлений и формул «производство ради производства» и «план ради плана»?

(Из доклада М. С. Горбачева на XIX Всесоюзной конференции «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки».)

Недавно Политиздат выпустил книгу Дмитрия Валового «Экономика в человеческом измерении». Она и послужила поводом для беседы с корреспондентом «Огонька» о путях радикальной экономической реформы.

— Вы пишете, Дмитрий Васильевич, что «Хрущев унаследовал от Сталина одну из самых плохих его черт: на словах признавалось и говорилось одно, а на практике делалось другое, порой противоположное. Брежнев довел эту «методику» до совершенства, а экономику — «до ручки». Как это проявлялось в экономике?

— После XX съезда партии я участвовал в обсуждении всех проектов пятилетних планов и результатов их реализации. За этот период — с шестой по одиннадцатую пятилетку — не было случая, чтобы задания по выпуску важнейших видов продукции и сдача объектов в строй, намеченные пятилетним или годовым планом, были выполнены полностью. Поэтому разбалансированность народного хозяйства и по вертикали, и по горизонтали, подобно радиации, проникла во все поры экономики. Расхождение между словом и делом в экономике очевидно и на примере провозглашаемой и действительной цели социалистического производства.

Теоретически, на словах, целью производства при социализме является наиболее полное, с наименьшими затратами удовлетворение потребностей народа. Это суть основного экономического закона социализма. Она отражена во всех Программах партии. А практически целью предприятий и отраслей является увеличение объема производства в рублях. Чем дороже выпускаемая продукция, тем успешнее выполняется план. По валу пятилетние и годовые планы выполнялись и перевыполнялись, а по выпуску реальной продукции срывались. Поэтому с каждым годом на рубль приходилось все меньше и меньше предметов потребления в натурально-вещественном выражении. Важнейших видов продуктов питания и промтоваров первой необходимости в 1985 году производилось на рубль национального дохода в два раза меньше, чем в 1965 году, и в четыре-пять раз меньше по сравнению с 1950 годом.

Само собой разумеется, что стоимостные расчеты эффективности производства и повышения уровня жизни, построенные на дутом рублевом вале, порочны в самой основе. Ведь рублями сыт не будешь! Нужен простой, но реальный продукт, о котором писал Александр Сергеевич Пушкин:

Бранил Гомера, Феокрита,
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконо-
м, То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золото ему,
Когда простой продукт имеет.

— Судя по отсутствию «простых продуктов» в наших магазинах, «глубокие эконо-мы» тоже стали дефицитом?

— Думаю, что немало хозяйственных руководителей и «ученых эконо-мов» не читали не только Адама Смита, но и не утруждали себя глубоким изучением трудов Маркса, Энгельса и Ленина. Их некомпетентность и непонимание сущности экономических законов сыграли, на мой взгляд, далеко не последнюю роль в том, что варварское нашествие вала в двенадцатой пятилетке не только сохранилось, но и достигло своего апогея.

— Как могло это произойти?

— Двенадцатая пятилетка и Основные направления развития народного хозяйства СССР до 2000 года основаны на прежних затратных принципах хозяйствования. Во главу угла поставлено повышение темпов роста товарной (валовой) продукции, на базе которой, как и прежде, определяется рост производительности труда, фонд зарплаты и экономия материальных ресурсов. За годы одиннадцатой пятилетки валовой общественный продукт в фактических ценах увеличился почти на 30

процентов. Это значит, что для каждого процента прироста объема в рублях в двенадцатой пятилетке требуется накрутить рублей на 30 процентов больше. Это фактор объективный. Нынче валовой общественный продукт превысил 1 триллион 400 миллиардов рублей. Каждый процент прироста требует 14 миллиардов рублей, а пятипроцентный рост — 70 миллиардов рублей. Из года в год эта сумма будет возрастать. Откуда ее брать? Надо идти проторенной дорожкой: расширять повторный счет предметов труда, «вымывать» дешевый ассортимент, удорожать продукцию всеми доступными путями, включая завышение цен и нормы рентабельности. Иначе люди останутся без зарплаты!

— Расскажите коротко о сущности «его величества вала».

— Любой товар имеет два свойства: **потребительную стоимость и стоимость**. Полезность вещи, по Марксу, делает ее «потребительной стоимостью», т. е. вещь, которая удовлетворяет потребности человека и общества. Стоимость же определяется общественно необходимым трудом для ее изготовления. Потребительные стоимости в их натурально-вещественной форме являются целью производства, а стоимость **средством** ее достижения. Создание Марксом теории трудовой стоимости — главное звено совершенного им переворота в политической экономии. Труд, создающий стоимость, делится на живой (расходы на рабочую силу) и прошлый, или овеществленный (сырье, материалы, машины). Маркс научно доказал, что прошлый труд лишь переносит свою стоимость на вновь создаваемый продукт, а живой труд увеличивает его стоимость. Поэтому необходимо отличать **полную стоимость** (все затраты на производство) и **вновь возданную стоимость** (зарплата + прибыль). Общие затраты живого и прошлого труда предприятия на производство потребительных стоимостей (конкретных видов продукции) за месяц или год составляют объем **валовой** продукции. Если из него вычесть незавершенное производство, то получим **товарную** продукцию.

Магистральным направлением технического прогресса становится развитие специализации и кооперирования производства. В результате многие виды сырья на пути к готовой продукции проходят 4—6 и более предприятий и каждый раз их стоимость нарастающим итогом (с учетом предыдущей обработки) включается в объем валовой (товарной) продукции. Поэтому последняя не отражает реальный вклад коллектива завода или фабрики в создание стоимости выпущенной продукции. Удельный вес прошлого или чужого труда в структуре валовой продукции на многих предприятиях достигает 70—90 процентов.

— Но ведь после реформы 1965 года основным показателем стала реализованная продукция...

— Объем реализованной продукции — это проданный вал. При маленьком вале откуда возьмется большая реализация? Реализованная, товарная и валовая продукция — это родные сестры разного возраста. Каждая из них имеет свои достоинства и недостатки, но между ними нет принципиальных различий, так как все они включают в себя повторный

счет прошлого труда. Вал и реализация — одного поля ягоды. К тому же надо учесть, что объем реализации исчисляется в текущих (фактических) ценах, а объем производства и производительность труда определяются в сопоставимых ценах. Поэтому темпы роста производства и производительности труда после 1965 года измерялись на базе валовой (товарной) продукции. На ее основе определялся и фонд зарплаты. Реализация, образно говоря, является тенью валовой (товарной) продукции. Поэтому господство вала в ходе реформы еще больше усилилось.

— В чем это конкретно проявлялось?

— Пути накручивания объема производства в рублях без увеличения реальных потребительных стоимостей поистине неисповедимы. Я попытался обобщить основные направления этого процесса. Наиболее весомым из них является искусственное расширение повторного счета стоимости сырья, полуфабрикатов и даже готовых машин. Один пример. Десятки тысяч шасси КамАЗов стоимостью по 14 000 рублей ежегодно отправляются по железной дороге и самоходом за сотни километров в Башкирию. Нефтекамский завод самосвалов устанавливает на них кузова ценой по 2000 рублей и затем реализует «свои» машины по 16 000 рублей. Для плана отрасли каждый самосвал дает 30 тысяч рублей. Только эта операция (за счет повторного счета шасси) дает более 500 000 рублей объема липового продукта. А если учесть, что многие детали и узлы шасси на своем технологическом пути ранее уже 4—5 раз включались в объем производства, то нетрудно определить, что сходящие с конвейера нефтекамского завода самосвалы ежегодно дают более миллиарда липовой стоимости совокупного общественного продукта. Сумма повторного счета стоимости предметов труда в 1985 году составила 541 миллиард рублей против 158 миллиардов в 1965 году.

Немалый навар дает удорожание продукции за счет повышения материалоёмкости, «вымывания» дешевого ассортимента и повышения цен путем косметических изменений. Думаю, с подобными примерами вы постоянно сталкиваетесь в жизни. Особенно заметно усилился этот процесс в связи с переходом на полный хозрасчет и самофинансирование.

Когда речь идет о валовом подходе, то имеется в виду не только искусственное накручивание объема в рублях, не отражающего производство реальной продукции. Вал многолик. Транспортники изобретают все новые и новые пути для искусственного увеличения тонно-километров. Вот, например, приказ Министерства путей сообщения, в котором в целях освоения заданного объема перевозок предложено направлять поезда кружными путями, не делая исключения даже для составов, груженых скоропортящимися грузами и живностью. В погоне за «тоннами» руда и уголь изрядно разбавляются породой. А при добыче цветных металлов, наоборот, ценное сопутствующее сырье идет в отвалы. Короче говоря, валовой подход отражает экстенсивный путь развития и является тормозом на пути интенсификации производства. Это наносит нам огромный урон...

— Выступая в редакции «Огонька» до перестройки, вы говорили о расчете академика Глушкова, согласно которому урон народному хозяйству от господства вала еще в семидесятые годы не один раз перекрыл материальные потери от Великой Отечественной войны. Может быть, теперь стоит этот расчет опубликовать?

— Я не знаю, сохранился ли он в архиве автора. В ту пору, когда Виктор Михайлович познакомил меня с этим расчетом, о его публикации не могло быть и речи.

— Вы не помните данных?

— Помню. Но они безнадежно устарели. Теперь совсем иные масштабы расточительства. Сейчас материалоемкость национального дохода у нас в два раза выше, чем в развитых капиталистических странах. В структуре валового продукта удельный вес материальных затрат составляет около 60 процентов. Это более 600 миллиардов рублей в год. Если бы мы вели хозяйство на среднем уровне современных достижений научно-технического прогресса, то эту сумму можно было бы сократить в два раза. Для сравнения напомним, что размер общего ущерба, причиненного путем прямого разграбления и уничтожения общественного и личного имущества в годы Великой Отечественной войны, составил 679 миллиардов рублей в ценах того периода.

— Но ведь ЦСУ все время сообщало о снижении материалоемкости производства.

— Ларчик открывается просто. Материалоемкость у нас определяется расходом сырья и материалов не на единицу конкретного изделия, а на рубль товарной продукции. Увеличение затрат живого и прошлого труда на изделие служит базой для более высокой цены. В итоге опережающий рост объема производства в рублях не только маскирует повышение материалоемкости продукции, но и создает иллюзию ее снижения. Увы, такой «порядок» сохранен и в новой инструкции, утвержденной Госпланом и Госкомстатом СССР в июне 1987 года.

— В докладе М. С. Горбачева на XIX партконференции говорилось, что сверху вынуждают предприятия выпускать продукцию, не пользующую спросом у потребителей, ради обеспечения пресловутого вала. Почему это происходит?

— Ради темпов и зарплаты. Во что это обходится, можно показать на таком примере, как сверхнормативные запасы и незавершенка в строительстве. Потребительная стоимость, как известно, проявляется «лишь в процессе потребления». Поэтому сверхнормативные запасы представляют собой, по Марксу, «не что иное, как неразумно израсходованный материал и средства труда», и не участвуют «в образовании новой стоимости». К началу двенадцатой пятилетки такие запасы составляли примерно 200 миллиардов рублей. Если бы нам удалось удержаться на таком же уровне (хотя задача ставилась снизить его), то «потери» по этой статье составили бы за пятилетку один триллион рублей. Поскольку «не-

разумные» затраты продолжают расти и особенно резко подскочила незавершенка в строительстве, то придется «осваивать» и второй триллион.

— Вал в разные годы много раз осуждали и проклинали, а он по-прежнему господствует. Почему?

— Вал является знаменосцем и олицетворением затратно-расточительной системы хозяйствования. И пока она действует, без вала ей не обойтись.

— Кое-кто объясняет его живучесть тем, что ученые не могут найти ему замены.

— Никакой замены валу не требуется. Этот показатель необходим и даже незаменим для определенных целей. Но по своей сущности он совершенно непригоден для измерения темпов производства и производительности труда, оценки работы предприятий и отраслей, определения на его базе фонда зарплаты, материалоемкости продукции...

— А какой показатель для этого подходит?

— Для каждого экономического процесса нужен свой показатель-измеритель. Возьмем, например, чистую продукцию. Чистая продукция — это валовая продукция за вычетом материальных затрат. Она необходима для измерения вновь созданной стоимости (зарплата плюс прибыль). Чистую продукцию и вал не следует противопоставлять. Каждый из этих показателей имеет свое назначение.

— А что представляет собой НЧП, которую согласно хозяйственной реформе 1979 года пытались внедрить вместо вала?

— Нормативная чистая продукция (НЧП) так же, как и чистая продукция, включает зарплату и прибыль. Но чистая продукция состоит из фактической зарплаты и прибыли, а НЧП из нормативных ее частей (норматива трудоемкости изделия в стоимостном выражении и нормы рентабельности на данную продукцию). Кстати, должен заметить, что согласно постановлению 1979 года не пересматривалась замена вала нормативной чистой продукцией. Последняя должна была использоваться лишь для измерения темпов роста производительности и определения фонда зарплаты. К сожалению, мы не можем обходиться без культа. И вместо культа вала начали создавать культ НЧП. Возложили на нее так же, как и на вал, функции, для исполнения которых она совершенно непригодна. К тому же установление разной нормы рентабельности на изделия привело к тому, что при одинаковых трудозатратах объем нормативной чистой продукции при выпуске высокорентабельной продукции оказывался в 2—3 раза больше, чем при низкорентабельной. И таким образом новый измеритель был дискредитирован в самом зародыше.

— Выходит, что в экономике все показатели плохие?

— Показатели все хорошие, но при использовании их не по назначению они делаются негодными. Разве можно использовать термометр для измерения давления или прослушивания легких? Каждый показатель так же, как и прибор, имеет свое назначение. А в экономике деся-

тилетиями ведутся бесплодные поиски универсального (главного) показателя для измерения экономического роста, оценки и стимулирования работ предприятий и отраслей, а также определения эффективности производства. В разное время на роль главного предлагались самые различные показатели, но для планирования и оценки деятельности предприятий нужна система показателей, и каждый на своем месте должен быть главным, решающим.

— Если неправильное применение показателей искажает картину, то получается, что мы не имеем достоверных данных о положении в экономике.

— К сожалению, это так. Я не говорю о статистике в целом, но что касается измерения экономического роста и определения эффективности, то эти данные не соответствуют действительности. Вместо стоимости совокупного общественного продукта в нашей статистике используется валовой оборот, который включает повторный счет предметов труда. Валовой оборот сейчас в два раза больше стоимости совокупного продукта. Стоимостные показатели и расчеты, определяемые на столь завышенной основе, подобны кривому зеркалу. Это наглядно можно показать на примере производительности труда. Как известно, рост производительности труда означает увеличение выпуска потребительных стоимостей с меньшими затратами живого и овеществленного труда на единицу изделия. Иначе говоря, снижение стоимости дает увеличение продукции. Поэтому повышение производительности должно сопровождаться снижением цен.

В докладе, посвященном 113-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, призывая «экономить не только живой труд, но и труд овеществленный, труд, воплощенный в станках, машинах, сырье и материалах», М. С. Горбачев сказал: «Повышение производительности труда без уменьшения стоимости продукта, считал Ленин, — абсурд, если только взять это как общее явление». Этот абсурд в нашей статистике возведен в квадрат: рост производительности труда не только не снижает стоимости продуктов, а, наоборот, рост цен является одним из существенных факторов «повышения» производительности труда. Иначе говоря, экономика поставлена с ног на голову.

— Может быть, правы те, кто утверждает, что экономической науки у нас, по существу, нет?

— Экономическая наука у нас есть, но ее уровень оставляет желать много лучшего. По словам Д. И. Менделеева, «наука начинается с тех пор, как начинают измерять». Физика и химия, как известно, стали науками, лишь когда были найдены точные единицы учета. Электричество, например, стало возможным для изучения и применения после установления вольт и ампер. Экономика, как и любая другая наука, не может эффективно развиваться без научно обоснованных измерений ее результатов. Ей нужны стоимостные «вольты» и «амперы». А мы стоимо-

сти совокупного общественного продукта до сих пор не определяем, а используем вместо нее суррогат в виде валового оборота.

— С 1988 года введен новый показатель — валовой национальный продукт. Что он собой представляет?

— Это очень важный показатель. Он отражает конечные результаты как в производственной, так и в непроизводственной деятельности. В нем исключается повторный счет предметов труда. Этот показатель широко используется в мировой практике. Но там он является сквозным измерителем экономического роста — от заводов, фирм и корпораций до экономики в целом. А применяемый ныне у нас метод определения национального продукта можно сравнить с заготовкой изюма из... булочек. Сначала исчисляется объем валовой продукции предприятий и отраслей, на базе которого исчисляется валовой общественный продукт. И лишь затем уже из вала на уровне народного хозяйства «добывается» национальный продукт. В результате национальный продукт, так же как и национальный доход, превращен в «карманный» показатель внутреннего пользования Госкомстата. Оба эти важнейших экономических показателя оторваны от жизни и не имеют практического значения. В отраслях, регионах и на предприятиях по-прежнему господствует вал в лице товарной и реализованной продукции.

— Чем, по-вашему, объясняется низкий уровень экономической науки?

— Одной из серьезных причин, на мой взгляд, является недооценка, а точнее, игнорирование экономической теории. Давно известно, что нет ничего практичнее научно обоснованной теории. А в период формирования социалистического механизма хозяйствования политическая экономия социализма как наука отвергалась в принципе. Первый учебник по политической экономии социализма появился на свет уже после смерти Сталина — в 1954 году. Макеты учебников дважды были поводом для встречи Сталина с экономистами. И несмотря на то, что учебник вышел в свет после смерти Сталина, он в полной мере соответствовал характеристике, которую Маркс дал вульгарной политической экономии.

— А в чем ее суть?

— Отныне дело шло уже не о том, правильна ли или неправильна та или другая теорема, — писал Маркс о вульгарной политэкономии, — а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой.

Но буржуазная политэкономия прежде чем переродиться в вульгарную, внесла огромный вклад в развитие экономической науки и благодаря трудам Адама Смита и Давида Рикардо стала, по оценке основоположников научного коммунизма, классической. Что же касается политической экономии социализма, то, несмотря на то, что она базируется на самом передовом и прогрессивном учении, на практике с момента по-

явления была приспособлена для пропаганды идей «выдающегося мыслителя всех времен и народов», поднявшего экономическую теорию «на невиданную ранее высоту». Мы как попы «марксистского прихода» денно и нощно твердили, что живем в эпоху, когда «все дороги ведут к коммунизму!».

После смены этой «пластинки» теоретики были заняты разработкой концепции «развернутого строительства коммунистического общества», грандиозности и величие которой иллюстрировались лозунгами, сулившими образование к семидесятым годам молочных рек с мясными берегами. В Программе партии, принятой при Хрущеве, намечалось произвести в 1970 году 26 миллионов тонн мяса и 123 миллиона тонн молока, а в 1980 году — соответственно 34 и 185 миллионов тонн. В 1987 году было 18,6 миллиона тонн мяса и 103,4 миллиона тонн молока. Если будем и дальше двигаться такими темпами, то задания на 1970 год не будут выполнены и к... 2000 году.

А при Брежневе общественные науки были полностью поглощены концепцией «развитого социализма» с его помпезной «пятилеткой эффективности и качества» и «экономной экономикой».

Иначе говоря, пользуясь терминологией Маркса, дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна ли она для создателей «новых» концепций социализма. Удобна или неудобна она для их «предначертаний»? Соглашется ли с официальными оценками и выводами «об успехах в строительстве коммунизма» или нет? Бескорыстное исследование уступает место соревнованию за создание методик, преобразующих бездарное ведение хозяйства в «наиболее внушительные успехи». Беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой научного социализма.

Когда ближайшие потомки поглубже разберутся в наших «успехах», то больше всего их поразит не варварское расточительство, о котором мы теперь открыто говорим и пишем. Они придут в изумление от нашей гениальности без кавычек, благодаря которой был изобретен механизм превращения расточительств в... «эффективность» и «грандиозные успехи в создании материально-технической базы коммунизма».

— Тут невольно возникает вопрос: как же нам удалось с помощью затратно-расточительного механизма превратить отсталую царскую Россию в одну из общепризнанных сверхдержав?

— Этому содействовал ряд объективных и субъективных факторов. Прежде всего следует сказать, что в довоенный период и первые послевоенные пятилетки увеличение продукции происходило главным образом за счет строительства новых предприятий и роста численности рабочих и служащих. Практически все отрасли современной индустрии нам приходилось создавать на пустом месте, а после войны восстанавливать их из пепла и руин. Это был период экстенсивного развития. Затраты и результаты тогда в основном совпадали. В ту пору справедливо говорили: без солидных затрат не получишь больших результатов. Когда же

в стране был создан огромный производственный потенциал, появились условия увеличивать производство потребительных стоимостей при тех же и даже меньших затратах, на первый план выступили вопросы эффективности производства и качества продукции. Но поскольку оценка работы и стимулирование коллективов продолжались по затратам, то их снижение вело к падению темпов производства в рублях и уменьшению фонда зарплаты. Погоня за темпами и зарплатой перекрыла дорогу техническому прогрессу и повышению эффективности производства. Образовался заколдованный круг: чем лучше работаешь, тем хуже работа оплачивается.

Среди субъективных факторов — огромный революционный энтузиазм того периода. Но, с другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов бесплатный труд миллионов заключенных, десятков миллионов крестьян, работавших многие годы за «пустопорожний трудодень», низкий уровень оплаты рабочих и служащих, а также символические пенсии и стипендии.

— Скажите, пожалуйста, в 18,6 миллиона тонн производимого ныне мяса входят и приписки, о которых «Правда» писала 6 июля 1988 года в экономическом обозрении «Мясо с клюквой»?

— К сожалению, метод определения количества произведенного мяса далек от совершенства. Инструкции, узаконившие приписки мяса, пока еще действуют. В ряде регионов удельный вес «бумажного» мяса достигает 10 процентов. Поскольку в централизованный фонд липовое мясо не принимается, то «продукт» полностью «поступает» в местные фонды и разделяет судьбу поручика Кижее.

— На XIX партконференции высказано предположение, что истинной информацией о реальных процессах в экономике не обладало и Политбюро. Так ли это?

— Спрос, как известно, рождает предложение. Остряки говорят, что икра исчезла из магазинов потому, что там ее давно никто не спрашивает. Так получилось и с достоверной информацией о действительном положении в экономике. Раньше на нее просто не было спроса. Более того, зачастую публикацию очередных сообщений об итогах развития народного хозяйства «наверху» задерживали и требовали доведения их до соответствующей «кондиции». Фальсификации наслаивались одна на другую, и теперь не так просто снять эти конъюнктурные «росписи», чтобы увидеть первозданную картину. Видимо, этим в какой-то мере объясняется, что, несмотря на возникший спрос на достоверную информацию, статистики продолжают крутить старую «шарманку», по-прежнему «радуя» нас миллионами тонн железной руды, проката, стали и цемента, серной кислоты и каустической соды. В их пространственных сообщениях подробно перечисляется, сколько удобрений и самоходных косилок-плющилок, о которых многие не имеют никакого представления. И в то же время в них «не хватает» места для данных о «простом продукте»: сколько за квартал (полугодие, год) мы реально потребили на

душу населения мяса, молока, фруктов, овощей и других продуктов и какова их средняя реализационная цена с учетом цен потребкооперации и колхозного рынка по регионам.

В 50-е годы на 10 копеек (рубль в старом исчислении) в столовой я получал на обед винегрет, щи, гуляш (или котлеты), кофе с молоком (или чай). За 20—30 копеек я регулярно обедал в ресторане без спиртного. В настоящее время за рубль такого обеда в столовых, а тем более за 2—3 рубля в ресторане днем с огнем не найдешь. Десятикратное повышение цен в общепите! По расчетам специалистов, рост средних розничных цен в 1971—1975 годах дал около 30 процентов прироста товарооборота, в 1976—1980 годах — 49, в 1981—1985 годах — 57, а в 1986—1987 годах — более 60 процентов. А ведь немало категорий работников, оплата которых с 50-х годов все еще остается на прежнем уровне, например, преподавателей вузов, включая доцентов и профессоров. Располагает данными о действительном росте цен статистика? Если да, то не пора ли их вводить в оборот? Ведь без них мы не сможем сделать достоверного анализа динамики уровня жизни, составить прогнозируемый минимум и наметить научно обоснованные перспективы повышения благосостояния народа.

— В свое время было много шума вокруг АСУ, призывали не жалеть денег на них, приводились сногшибательные данные об их эффективности. Какова их судьба?

— В связи с отсутствием спроса на достоверную информацию о развитии экономики многие из них оказались «безработными» или перебиваются случайной работой. Начальник сектора моделирования НИИ В. Нехай на одном из заседаний «Делового клуба» «Правды» сказал:

— Мы разработали производственно-математическую модель предприятия, списали программы и реализовали их на ЭВМ. Имея любой вариант планового задания, мы можем рассмотреть его реализацию подекадно и детально: от начала и до конца, с получением оценок, например, сбалансированности заработной платы, трудовых, производственных и материальных ресурсов, финансов. Наша модель показывает, что у нас на предприятиях огромные неиспользованные финансовые, материальные, трудовые, экономические возможности. Мы находимся по уровню организации планирования в каменном веке по сравнению со средними зарубежными предприятиями. У них эти модели — давно реальность. Вся работа планируется с детальным расчетом на день, декаду, месяц по каждому виду продукции с учетом ее трудоемкости в нормо-часах и расхода материалов в натуральных единицах. Использование трудовой теории Маркса доведено там до совершенства. Фактически мы отказались от средств автоматизации в связи с провалами в экономике. АСУ дают объективную картину. А мы привыкли все время подгонять, подправлять и приукрашивать ее.

— Вы говорите, что с 70-х годов меняется природа дефицита. В чем суть этого процесса?

— Раньше к дефициту относились товары, для производства которых не хватало сырья или производственных мощностей, а с 70-х годов в эту категорию стали попадать дешевые, но трудоемкие изделия: прищепки, иголки, пуговицы, нитки, мыло, туалетная бумага, леденцы, пастила, зефир, сушки и многие другие «мелочи», спрос на которые ранее удовлетворялся полностью. Сталкиваясь с подобными методами хозяйствования, невольно вспоминаются укугмартеби. Кто они и почему приходят на память? Укугмартеби — это герои древней грузинской сказки. Они все делали шиворот-навыворот: на свадьбе плакали, на похоронах смеялись, телегу ставили впереди лошади, оглобли вешали буйволам на хвосты. Иначе говоря, действовали вопреки здравому смыслу.

— В связи с дефицитом не стоит ли ввести карточную систему?

— В целом, на мой взгляд, в этом нет необходимости. Но что касается отдельных продуктов, например, на мясо, такую возможность исключать не следует. По карточкам продавать его по государственной цене, а в свободной продаже — по кооперативной.

— В обороте у нас, как известно, находится огромное количество денег, не обеспеченных товарами. Обычно такое бывает лишь после изнурительных войн. Как это могло случиться?

— Почти треть века задания по выпуску конкретной продукции в стране не выполнялись, а по объему в рублях планы перевыполнялись. Поскольку зарплата определялась по объему в рублях, который значительно опережал выпуск реальных потребительных стоимостей, то ежегодно выплачивались многие миллиарды незаработанных рублей. За 1971—1985 годы количество денег в обращении возросло в 3,1 раза, а выпуск товаров потребления — в 2 раза. В конечном счете накопилась огромная масса денег, не обеспеченных товарной массой. В сберкассах хранится 278 миллиардов рублей. Кроме того, по расчетам специалистов, в зависимости от конъюнктуры от трети до половины этой суммы находится в «кубышках». Таким образом, у населения имеется сумма денег, примерно равная годовому товарообороту страны. В этих условиях борьба с дефицитом смахивает на поединок Дон-Кихота с ветряными мельницами.

— Рост цен некоторые экономисты объясняют необходимостью укрепления финансового положения. По их мнению, многие наши цены занижены.

— Все варианты преодоления несбалансированности денег и товаров имеют свои плюсы и минусы. Что же касается повышения цен, то оно подобно болеутоляющему лекарству. Снимая боль, на какой-то период оно загоняет ее внутрь. Со временем она еще больше усиливается, обостряется. Мы слишком долго злоупотребляли этим «лекарством». Некоторые категории товаров «принимали» его по назначению властей, а на большинство товаров цены росли неофициально, что гораздо хуже, так как в этом случае не было никаких ограничений. Временами создавалась иллюзия решения проблем, а на самом деле они еще больше обо-

стрялись, и многие из них стали хроническими. Рассуждения о заниженных ценах, на мой взгляд, являются теоретически несостоятельными, а практически они не соответствуют действительности. Речь может идти лишь о меньшей или большей степени их завышения и нарушения соответствия цен между изделиями. Откуда могут взяться заниженные цены, если многократное повышение производительности сопровождалось постоянным или периодическим ростом цен? Повышение менее завышенных цен каждый раз служило и будет служить впредь объективной основой для очередной цепной реакции роста цен.

Надо иметь в виду и такую «мелочь»: все больше и больше появляется товаров, цены на которые не «по зубам» даже высокооплачиваемой категории работников с трудовыми доходами. В результате значительная часть лучших предметов культурно-бытового обихода, которые мы производим или закупаем за рубежом, становится достоянием спекулянтов, взяточников и других «специалистов», имеющих нетрудовые доходы. Таким образом, вольно или невольно мы стимулируем подпольный бизнес.

— Три года мы говорим об усилении социальной направленности наших планов. А в докладе на партконференции сказано, что большинство предприятий союзных министерств и ведомств пытаются под всякими предлогами уйти от производства предметов потребления. Вряд ли наши министры и руководители предприятий не понимают важности этой задачи. Тогда в чем же дело?

— Причин тут несколько, но главная, на мой взгляд, — порочный метод определения фонда зарплаты. Ведь ширпотреб в большинстве случаев выпускается в малоприспособленных и слабо механизированных цехах. Расход зарплаты на рубль товарной продукции в основном производстве составляет 5—8 копеек, а на ширпотребе — 50—80 копеек. В итоге товары потребления дают 1—2 процента плана, а пожирают до 10 процентов фонда зарплаты.

— Где же выход?

— Надо организовать работу цехов и производств на принципах кооперативов, предоставив им полную самостоятельность. Никаких плановых заданий, а тем более по фонду зарплаты им утверждать не следует. Они должны работать по договорам и заказам, широко используя договорные цены. Предприятия и отрасли должны быть экономически заинтересованы в производстве предметов потребления. Сумма их реализации должна включаться в объем национального продукта и чистой продукции данного предприятия. Оно же должно быть и полным хозяином получаемой от ширпотреба прибыли.

— Почему в цехах и заводах, переданных кооперативам в аренду, в тех же условиях происходят многократный рост производительности труда и резкое увеличение выпуска продукции в соответствии с договорами и заказами?

— Такие коллективы, освободившись от пут командно-расточительной системы управления, сразу же осуществляют НЭП — Наведение Элементарного Порядка. Иначе говоря, они приводят экономический процесс в соответствие со здравым смыслом...

— Выходит, кооперативная форма организации производства более эффективна, чем государственная, и нам следует форсировать передачу государственных предприятий кооперативам?

— Глубочайшее заблуждение. Административно-командная система душила в равной мере все формы — индивидуальную, кооперативную и государственную. В настоящее время индивидуальщики, кооператоры и арендаторы получили экономическую самостоятельность на деле, а государственные предприятия и колхозы — на словах. Поэтому, признавая важную роль развития кооперации и аренды, я считаю, что магистральным путем радикальной экономической реформы должно быть предоставление всем государственным и колхозно-кооперативным предприятиям экономической самостоятельности на деле, а не на бумаге! И тогда, используя огромные преимущества социалистической системы хозяйствования, они быстро смогут совершить коренной перелом в развитии нашей экономики.

— В чем вы видите гарантию того, что на сей раз затратно-расточительный механизм будет демонтирован?

— На мой взгляд, следует выделить два фактора. Первый — гласность. На партконференции М. С. Горбачев потребовал взыскательно и принципиально относиться не только к ошибкам предшественников, но и «к себе, к настоящему, анализировать не только успехи, но и ошибки и уроки своей деятельности на протяжении последних трех лет, ошибки и промахи, сделанные в ходе перестройки». Демократизацию и гласность я бы назвал знаменосцами перестройки во всех сферах деятельности, включая и экономику. Другой фактор — объективный. У нас просто нет больше такого изобилия материальных и трудовых ресурсов, которое необходимо для намеченного удвоения объема промышленного производства в рублях от достигнутого уровня. Иначе говоря, у нас нет иной альтернативы, кроме как покончить с экстенсивным ростом и перевести экономику на интенсивный путь развития. Время быстро меняется. Еще два года назад многие хозяйственники надеялись, что пошумим, пошумим о перестройке и все вернется на круги своя. Но четкий курс партии сделать перестройку необратимой заставляет многих переосмысливать свои действия и решения.

После публикации в прошлом году в «Правде» статьи «Экономика в человеческом измерении» была создана авторитетная комиссия в составе С. Ситоряна, М. Королева, Б. Гаврилова, В. Кириченко, П. Кочура, Л. Абалкина и Б. Плашевского. Ей было поручено «рассмотреть поставленные в статье вопросы и в 20-дневный срок представить в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по перестройке организационных структур цен-

тральных экономических органов, министерств и ведомств СССР соответствующие предложения».

Выводы комиссии в целом заслуживают серьезного внимания. В частности, признана необходимость «устранить неоправданную разнорентабельность продукции», вести подготовку к широкому применению показателя чистой продукции и ряд других. Есть в материале комиссии и противоречивые предложения. По ее мнению, «необходимо твердо определить, что товарная продукция является расчетным показателем и используется только в аналитических целях, а не для оценки деятельности комплексов и министерств». Это самообман. Как можно объявлять товарную продукцию расчетным показателем, если повышение темпов ее роста от достигнутого уровня утверждено Законом СССР о пятилетнем плане на двенадцатую пятилетку и «вытягивание» их любой ценой является первоочередной задачей всех руководителей сверху донизу? По этим темпам пока еще прежде всего судят о наличии ускорения. И самое главное: к объему товарной продукции, как я уже говорил, «привязан» базовый фонд зарплаты. Уменьшение первой автоматически ведет к сокращению второго. Без ускорения коллектив прожить может, а без зарплаты? Чего же тогда стоят рассуждения «отцов» реформы об использовании товарной продукции «в аналитических целях»?

И еще мне кажется спорным вывод комиссии о том, что «принятый в настоящее время общеметодологический подход к использованию на народохозяйственном уровне систем обобщающих показателей представляется обоснованным. При такой оценке сути вопроса не исключено, что и в тринадцатой пятилетке вместо стоимости совокупного общественного продукта вопреки марксистско-ленинской экономической теории будет использоваться валовой продукт, включающий повторный счет стоимости предметов труда. Данные, получаемые на его базе об экономическом росте, эффективности, и другие по-прежнему будут искажаться, как в кривом зеркале.

— Но ведь при введении Закона о государственном предприятии было четко сказано: все, что ему противоречит, надо отменить.

— Это верно. Но жизнь — штука сложная. Во-первых, основные показатели на двенадцатую пятилетку, в которых узаконены затратные темпы развития, утверждены Верховным Советом и имеют такую же юридическую силу, как и Закон о государственном предприятии. Во-вторых, поскольку с хозяйственников по-прежнему строго спрашивают в первую очередь за обеспечение темпов, то они стараются нейтрализовать Закон о государственном предприятии новыми инструкциями.

— Некоторые экономисты выступают против высоких темпов развития в ходе перестройки. К примеру, Н. Шмелев утверждает, что на двенадцатую пятилетку «установлены ненужно высокие темпы роста». По его мнению, нельзя перестраиваться и ускоряться одновременно.

— Давайте уточним: о каких темпах идет речь? Если имеется в виду повышение темпов роста товарной (валовой) продукции от достигну-

того уровня, то мое отрицательное отношение к этому однозначно. Длительное время многие хозяйственные руководители, ушедшие ныне на заслуженный отдых, не жалея сил трудились над созданием показного благополучия на вверенных им участках. С этой целью они искусственно расширяли повторный счет материалов и машин, повышали материалоемкость продукции, «вымывали» дешевый ассортимент и расширяли дорогой. В общем, удорожали продукцию как могли, и к тому же за счет смены этикеток и артикулов завышали цены, а в критические моменты не чурались и приписок. Но все, что они так усердно приписывали и накручивали, попало в достигнутый уровень, даже простое поддержание которого теперь зачастую немислимо без применения тех же средств и методов, с помощью которых он получен.

Но совсем иное дело, когда мы ведем речь о высоких темпах роста производства мяса, зерна, молока, магнитофонов и других товаров культурно-бытового назначения, пользующихся повышенным спросом. Без высоких темпов их роста перестройка останется лишь очередным благим пожеланием. Короче говоря, речь должна идти о высоких темпах нового качества роста, то есть повышения уровня удовлетворения потребностей народа в пище, жилье и одежде. Небезынтересно, что об этом же шла речь в нашей беседе с известным американским экономистом лауреатом Нобелевской премии Василием Леонтьевым. Он недавно был в Москве и ознакомился с работой столичного предприятия «Фрезер». Американский экономист проявляет огромный интерес к нашей перестройке и желает ей успеха.

— Не смогли бы вы коротко сказать о беседе с Леонтьевым? Нельзя ли использовать его расчеты в условиях перестройки экономики?

— Его метод и расчеты всегда можно было применять у нас. Но они несовместимы с затратно-расточительной системой хозяйствования. И, пока она будет действовать, использование его метода будет «портить» нам дутые показатели. Когда я попросил Василия Васильевича прокомментировать мою таблицу о повторном счете, то выяснилась интересная деталь. Он показал мне свою аналогичную таблицу полувековой давности, на основе которой он тогда предостерегал от опасности включения суммы повторного счета в объем реальной продукции. Когда я познакомил его со своим расчетом суммы повторного счета, а она еще в 1985 году превысила 540 миллиардов рублей, и рассказал, что она на всех уровнях хозяйствования включается в объем продукции, на базе которой определяются темпы роста производства и производительности труда, исчисляется фонд зарплаты и другие фонды стимулирования, то его удивлению не было предела. Он просто был поражен, о чем свидетельствовали его восклицания: «Но это же глупо...», «подобные расчеты просто бессмысленны», «не может быть!»

— А как вы относитесь к измерению нового качества роста прибылью?

— Прибыль — важный качественный показатель. Но для измерения экономического роста он непригоден по своей сущности.

— А для роли главного показателя при оценке работы коллективов?

— Объективная оценка работы может быть сделана только с помощью системы натуральных, трудовых и стоимостных показателей. Никакой показатель не может выразить всех сторон многогранной деятельности коллектива, и поэтому я давно и категорически выступаю против идеи главного показателя в экономике, в том числе и против культа прибыли. Я не открою вам секрета, если скажу, что существует много путей увеличения суммы прибыли без роста прибавочного продукта в натурально-вещественной форме, денежным выражением которого она является. В условиях частной собственности прибыль является целью производства. Для ее получения там все средства хороши, включая рост цен, взятки, промышленный шпионаж и т. д. При социализме иная цель производства — удовлетворение потребностей людей. Погоня за валом извратила ее. Цель перестройки — поставить все на свое место. Стремление даже из самых добрых побуждений поставить во главу угла прибыль, сделать ее вместо вала целью производства уведет нас в другую сторону от социалистических принципов.

В 1985 году по сравнению с 1965 годом национальный доход увеличился в 2,3 раза, а прибыль — в 3,7 раза. Говорить о соответствующем росте интенсивности труда вряд ли язык у кого повернется. Значит, полным ходом шло накручивание бумажной прибыли. Поэтому на рубль прибыли приходится все меньше и меньше реальных потребительных стоимостей. В условиях самофинансирования искусственное увеличение бумажной прибыли заметно ускоряется...

— В отчете с заседания Президиума Совета Министров СССР, опубликованном в «Правде» в мае прошлого года, вы сказали о создании у нас «плановой анархии». Как это понимать?

— План и анархия — антиподы. И мы, конечно, анархию не планировали. Она создавалась из-за систематического невыполнения плановых заданий по выпуску важнейших видов продукции, многолетними срывами договорных поставок и нарушениями сроков ввода в строй новых объектов. Диспропорциональность поражала один за другим участки народного хозяйства. В итоге в плановом хозяйстве образовалась анархия в самом худшем виде. И если мы ее теперь решительно не пресечем, то можем оказаться в не менее затажном и разрушительном кризисе, чем это было на первой стадии капитализма. Недооценивать такую опасность — значит игнорировать объективные экономические законы.

— Однажды вы сказали, что если мы не примем решительных мер, то в тринадцатой пятилетке экономика может стать неуправляемой. Ныне такая опасность миновала?

— Теоретически да, а практически она пока еще существует. Все зависит от реализации радикальной экономической реформы и внедре-

ния не на словах, а на деле противозатратного хозяйственного механизма. В 1987 году 23 процента предприятий и объединений не справились с выполнением договоров, а в машиностроительном комплексе их было 55 процентов. Общая недопоставка продукции составила почти 10 миллиардов рублей. Расширение диспропорций и без того уже разбалансированного до основания хозяйства продолжается. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 816 от 17 июля 1987 года предложено: «Запретить Госплану СССР вносить на рассмотрение Совета Министров СССР проекты несбалансированных планов». На одном из заседаний «Делового клуба» «Правды», в котором участвовали представители многих отраслей народного хозяйства, я спросил: «Скажите, пожалуйста, если у кого-нибудь из вас несбалансированный план?». «Вопрос поставлен неправильно, — хором ответили мне. — Спросите, есть ли у кого сбалансированный план?». Увы! Таких не оказалось.

Думаю, что те, кто разрабатывает и утверждает несбалансированные планы, выдает нереальные наряды и другие нормативные документы, должны нести материальную ответственность. По опыту работы членом Комитета народного контроля СССР знаю, что административные меры порой не столь эффективны, как потеря двух-трех окладов. Ведь давно известно, что свой рубль дороже чужого миллиона.

Нарушению сбалансированности содействуют и многочисленные внеплановые постановления по экономическим вопросам. По расчетам специалистов Госплана СССР, к 1985 году было принято столько партийно-государственных решений о развитии отдельных отраслей, регионов, городов и наиболее приоритетных направлений научно-технического прогресса, что для их выполнения надо было бы использовать капиталовложения до... 2050 года. Метод «решения» проблем путем принятия постановлений в годы застоя был универсальным «выходом» из положения. В большинстве случаев после их принятия положение не только не улучшилось, но продолжало ухудшаться. Принимая новое постановление, о прежних старались не вспоминать. Невыполнение принятых решений в речи при закрытии XIX партконференции Михаил Сергеевич Горбачев назвал «нашей хронической болезнью». К сожалению, и в двенадцатой пятилетке механизм принятия таких постановлений и специальных программ не сбавил обороты.

— Ваше мнение относительно ускорения: появилось оно или нет?

— Смотря чем его измерять. Если по объему в рублях, то определенный сдвиг есть. А если судить по удовлетворению насущных потребностей людей, то заметных улучшений пока нет. Поэтому вокруг ускорения немало кривотолков. Одни говорят, что его нет, а другие убеждают нас в обратном. Так, экономист Б. Павлов утверждает, что «анализ первых двух лет пятилетия свидетельствует о том, что происходившее на протяжении предшествующих пятилеток замедление прироста объемов производства в основном преодолено». По его мнению, «новое качество экономического роста нагляднее всего проявляется в ускорив-

шемся повышении эффективности общественного производства». В подтверждение последнего он приводит данные о более высоких темпах роста производительности труда за 1986—1987 годы по сравнению с одиннадцатой пятилеткой.

Но ускорение, в том числе и «нового качества роста», сводится к росту темпов в пресловутых валовых рублях, на каждый из которых все меньше и меньше приходится реальных потребительских стоимостей. В докладе М. С. Горбачева на XIX партконференции отмечалось, что «положение дел в экономике меняется медленно, особенно если судить по конечному результату — уровню жизни народа». Для определения фактического ускорения на пути реализации цели социалистического производства необходима динамика о потреблении важнейших видов продуктов питания и предметов культурно-бытового обихода на душу населения. Но в громоздких сообщениях Госкомстата все это по-прежнему прочно «завалено» миллионами тонн стали, цемента, удобрений и других видов продукции, по производству которых на душу населения мы вышли на первое место в мире.

— Более трех лет прошло после апреля 1985 года, а существенных изменений в экономике пока не происходит. Вы согласны с этим?

— Об этом откровенно сказано на XIX Всесоюзной партконференции. В ее резолюции записано, что «коренного перелома в экономическом, социальном и культурном развитии не произошло».

— До каких же пор этот «коренной перелом» будет оставаться за горизонтом? Сможем ли мы до него дожить и когда?

— Безусловно, сможем, но когда — пока ответить трудно...

— Почему?

— Пока мы не изменим курс 12-й пятилетки на выполнение любой ценой утвержденных темпов роста товарной продукции от достигнутого уровня, «коренной перелом», по моему глубокому убеждению, будет «оставаться за горизонтом».

— Выступая в Узбекистане, Михаил Сергеевич Горбачев сказал, что перестройка — период довольно продолжительный. Но есть вопросы, которые «кричат, требуют внимания и решения сегодня...» Какие, на ваш взгляд, вопросы в экономике являются «кричащими»?

— К сожалению, для их перечисления не хватит пальцев на руках и на ногах...

— Но от каких из них прежде всего зависит «коренной перелом»?

— Выделим два из них. В первую очередь научное применение эффективных экономических законов и измерение экономического роста.

— Но ведь сейчас все признают наличие таких законов. И вы тоже говорите, что их отрицание преодолено.

— Между признанием и практическим применением экономических законов дистанция огромного размера. Да, мы их признали, но пока что в лучшем случае лишь приспособливаемся к их действию. Для научного применения законов необходимы достоверные показатели-изме-

рители, каждый из которых должен использоваться строго по своему назначению. Основной экономический закон социализма — наиболее полное удовлетворение потребностей народа. Пища, жилье и одежда — именно это надо поставить во главу угла наших планов, определив задания по важнейшим видам предметов потребления.

Обобщающим показателем экономического роста, как и при капитализме, следует использовать чистую продукцию (национальный доход) и условно чистую продукцию (конечный продукт). Но делать это надо при строжайшем условии, что они не на словах (как сейчас — товарная продукция), а на деле должны быть расчетными. Указанные показатели являются затратными. Поэтому материальное или моральное их стимулирование можно сравнить с подкручиванием спидометра ради большего заработка и премий за сверхнормативный пробог и экономии резины. Если наша цель — удовлетворение потребностей, то оценка работы предприятий и все виды стимулирования должны базироваться на количестве и качестве фактически выпускаемой продукции. Тогда все затратные показатели-измерители (не только товарная и валовая, но и разные варианты чистой продукции) станут независимыми регистраторами положения вещей.

— А второй «кричащий» вопрос?

— Уравниловка и иждивенчество. Несовместимость социализма и уравниловки убедительно показана в брошюре В. И. Ленина «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина», выпущенной по горячим следам дискуссии в январе 1921 года. В 41-м тезисе платформы Троцкий предлагал: «В области потребления — уравнительность, в области производства — ударность». Критикуя это положение, Ленин писал: «Это абсурд экономический, ибо это разрыв потребления с производством».

К сожалению, мы пошли дальше уравниловки и возвели этот абсурд в квадрат: тем, кто плохо использует землю, машины, сырье, трудовые и финансовые ресурсы, платим за единицу одинаковой продукции в два-три раза больше, чем передовикам. Поскольку фонд зарплаты «привязан» к валу, постольку его искусственное накручивание, подобно мощному пылесосу, втягивало в оборот ежегодно многие миллиарды незаработанных рублей. «Типовое положение об образовании фонда зарплаты...», принятое в свете постановления партии и правительства 1986 года, еще больше усилило мощность этого «пылесоса».

В интервью газете «Известия» председатель Госкомтруда СССР И. И. Гладкий признал, что «нивелировка зарплаты стала на сегодня одним из главных механизмов торможения в нашей экономике». И в этой связи он сказал, что «меры, заложенные в последних постановлениях по заработной плате, создали определенные возможности для искоренения этого зла». На мой взгляд, для такого оптимистического заявления нет оснований. В новых условиях произошло дальнейшее ослаб-

ление зависимости зарплаты от трудоемкости произведенной продукции.

— А сохранилось ли в новых условиях иждивенчество?

— Возьмем два одинаковых предприятия, выпускающих одну и ту же продукцию. Передовое расходует на рубль 10 копеек зарплаты, а отстающее — 30 копеек. Теперь это соотношение узаконено в стартовом базовом фонде зарплаты.

Вот пример. На 1988 год тульскому колхозу имени Ленина, где председателем Василий Александрович Стародубцев, норматив расхода зарплаты установлен 40 процентов от валового дохода (чистой продукции), а его соседу — совхозу «Новомосковский» — 70 процентов. Плюс солидные надбавки (за бедность!) к цене за его продукцию и ряд льгот по социальному обеспечению.

Вряд ли надо говорить, что все это противоречит закону распределения по труду. Механизм научного его применения должен стимулировать передовиков по прогрессивной шкале. Если передовой коллектив дает в два раза больше продукции на единицу производственных фондов, или в два раза дешевле, или в два раза долговечнее и т. д., чем отстающий, то и его заработки должны увеличиваться более чем в два раза. Тогда, я думаю, не надо было бы **внедрять** передовой опыт и достижения прогресса. Отстающие просто охотились бы за ними.

Увы, длительное поощрение иждивенчества сделало его массовым явлением. Многие тысячи производственных коллективов в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, транспорте и целые регионы потребляли больше, чем производили.

— Как же мы сводили концы с концами и до сих пор не вылетели в трубу?

— По-моему, три основных источника удерживали нас на плаву. Первый: беззастенчивый грабеж передовиков, то есть безвозмездное изъятие у них чистого дохода по принципу «военного коммунизма» в пользу иждивенцев. Второй: массовая распродажа природных ресурсов и закупка на валюту предметов потребления, которые продавались по высоким ценам. Каждый инвалютный рубль на ширпотребе в среднем давал 10 рублей товарооборота. И третий: доход от спиртного, цены на которое неоднократно повышались, и количество реализуемых декалитров тоже неуклонно росло. В некоторых районах алкогольные напитки давали треть (а порой и более) товарооборота.

— А как выглядят эти источники в новых условиях?

— Алкогольный доход резко уменьшился. Это хорошо. Но плохо то, что значительная часть его перекочевала в руки спекулянтов и самогонщиков, что увеличивает сумму незаработанных денег, требующих товарного покрытия. Резко уменьшились возможности и второго источника. Плохо дела и с первым.

— Как бы вы ответили на вопрос историка: «Идею рыночного соци-

ализма мы сами выстрадали всей нашей историей или это тупиковый путь?»

— Древняя поговорка гласит: один человек может поставить столько вопросов, что и сто мудрецов не смогут ответить. Что такое «рыночный социализм»? Из ста ответов на него двух идентичных не будет. Широкое распространение этот термин получил в 60—70-е годы в ходе дискуссии между товарниками и антитоварниками. Последние применяли этот термин против своих оппонентов, которых обвиняли в отрицании централизованного планирования, что, конечно, не соответствовало действительности. В настоящее время некоторые мои коллеги действительно отрицают необходимость централизованного планирования и предлагают создание условий для стихийного регулирования производства. Они пишут о целесообразности безработицы, инфляции, конкуренции, об установлении цен под воздействием спроса и предложения. Наиболее ярко их позиция проявляется в принципиальном отрицании госзаказов. Если такой «рыночный социализм» мы «сами выстрадали всей нашей историей», то худшего, на мой взгляд, для нас придумать не могли даже недруги

Н. Шмелев, Л. Попкова и другие представители ныне модного течения считают монополистический капитализм образцом, и поэтому суть их конкретных предложений сводится к тому, чтобы по возможности скорее вернуться «к пышным пирагам» капитализма эпохи свободной конкуренции. Так, Л. Попкова пишет: «И западные социалисты, и наши товарники считают, что эра чисто рыночной экономики безвозвратно ушла в прошлое. Я же иногда думаю, что западный мир стоит на ее пороге, он в самом начале пути, у него есть серьезное будущее...»

— В интервью газете «Известия» главный редактор «Правды» В. Г. Афанасьев сказал: «Смелость политического деятеля проявляется в его готовности идти против течения. Против господствующего в данный час образа мышления. Тут я не могу не вспомнить публикацию в «Правде» статей Д. Валового с резкой критикой затратного механизма хозяйствования. Или известную статью академика В. Трапезникова «Научно-технический прогресс и управление». За все это мне как главному редактору тогда здорово попало». Вы полагали, что критика в тех условиях могла что-либо изменить?

— Нет. Мы тогда ставили более скромную цель. В середине 1977 года был одобрен проект «нового» хозяйственного механизма. Его публикация задерживалась в связи с обсуждением проекта брежневской Конституции, которую утвердила сессия Верховного Совета СССР в октябре 1977 года. По сведениям, которыми мы располагали, после торжеств по случаю 60-летия Октября будет опубликован документ об очередной хозяйственной реформе, несостоятельность которой просматривалась невооруженным глазом. «Новый» механизм еще больше усиливал мощностно-затратно-расточительного механизма. В моих статьях без упоминания этого проекта были подвергнуты резкой критике его принци-

пиальные положения. Чтобы опередить появление официального документа, срок публикации статей был специально намечен сразу же после ноябрьских праздников — 9, 10 и 11 ноября 1977 года. У тех, кто разрабатывал и одобрял «новый» механизм, такой шаг вызвал возмущение и негодование. Кое-кто открыто называл В. Г. Афанасьева и меня диссидентами. Но проект был «похоронен». Создали новую комиссию, которая подготовила постановление о хозяйственном механизме 1979 года. В нем появились скромные новинки, но на практике и они были «спущены на тормозах».

— А когда вы начали работать над повестью «Поиск»?

— Резко отрицательная реакция на критические статьи в «Правде» подтвердила мою правоту. Тогда я решил научному материалу придать художественную форму и начал работать над экономической повестью, в которой использованы реальные материалы, факты и примеры, а кое-где и фамилии. В 1981—1982 годах ее опубликовал журнал «Наш современник». В читательских откликах и рецензиях в периодической печати было высказано немало лестных отзывов партийных и хозяйственных работников, ученых, пропагандистов и журналистов.

Самым неожиданным для меня было письмо О. Антонова, в котором говорится: «Глубокоуважаемый Дмитрий Васильевич! С огромным удовольствием и удовлетворением прочел Вашу экономическую повесть «Поиск». Вы нашли самую удачную и доходчивую форму для дискуссии по экономическим вопросам. По профессии я — конструктор, но состояние нашей экономики давно внушает мне тревогу. В 50—60-е годы я неоднократно выступал с резкой критикой вала как основного показателя. Сегодня, спустя 17 лет, мы очень мало продвинулись вперед, а потери в народном хозяйстве растут и растут, замедляя наше развитие. Неудивительно, что при такой медлительности экономика переключивается в литературу, как, например, политика — в поэзию...»

Два издания журнального варианта повести «Поиск», выпущенных «Молодой гвардией», сразу же исчезли с книжных прилавков.

— Книга «Экономика в человеческом измерении» тоже не залежалась. А над чем вы работаете сейчас?

— Готовлю ее второе издание. В нем будет ряд новых разделов и специальный очерк об опыте хозяйствования в социалистических странах. Кроме того, в издательстве «Наука» готовится сборник моих работ за 30 лет научной и журналистской деятельности...

— И много их набирается?

— Сотни статей в газетах и журналах, десятки книг и брошюр. Но мы отобрали лишь то, что содействует выяснению: когда, как и почему в условиях общественной собственности на средства производства сложилась затратно-расточительная система хозяйствования.

— Вы и в «Правде» активно выступаете. Недавно с интересом прочитал вашу статью «Пирамида». Какая на нее реакция?

— Откликов много. Вот свежая открытка. В ней москвич А. Гусев размышляет:

«— Прочитал вашу последнюю книгу и подумал: «Сколько можно писать о пресловутом вале? Делать Валовому нечего или денег не хватает?» Но статья «Пирамида» потрясала! Оказывается, **ничего не изменилось!** Давайте воюйте дальше, четче обозначайте, кто лично, где поддерживает вал».

В. Сердцович из Киева пишет:

«— С интересом прочитал «Пирамиду» от 19.9.88 года. Но! Вы призываете бороться с валом, убрать «повторный счет». Кто будет убирать? Я? Или те, кто работает на предприятиях и в учреждениях? Наверное, этим должны заняться правительство, аппарат центральных органов. Так в чем дело: команды не даны? Или они не выполняются?»

В таком же духе излагает свои мысли ветеран войны и труда из подмосковной Балашихи В. Юркин:

«— Я давнишний читатель вашей газеты. Вчера очень внимательно прочитал статью «Пирамида». Всем хороша и актуальна она, но я, как и все читатели, в очередной раз не будем знать тех, кто, стыдливо умалчивая об инфляции и бюджетном дефиците, загонял эти болезни вовнутрь. Где же гласность? Неужели нельзя было назвать две-три фамилии и должности?»

— А почему вы действительно их не назвали? Ради безопасности, ведь речь идет о высоких должностях и громких фамилиях?

— Нет. Дело не в личностях. Кстати, многие из тех, кто готовил Закон СССР о 12-й пятилетке и Основные направления экономического развития до 2000 года, давно уже ушли на заслуженный отдых.

Главное внимание я сосредоточил на критике Закона о 12-й пятилетке, стремился показать, что он противоречит новому Закону о предприятии и идеям XIX партконференции. На конкретных материалах я старался показать, что по-прежнему готовится план, толкающий хозяйственников на расточительство ради обеспечения рублевых темпов. Но увы! Как и прежде, сессия проштамповала расточительный план. Правда, на сей раз было признано наличие бюджетного дефицита и инфляции. Итоги трех лет пятилетки убедительно свидетельствуют о том, что пока мы не внесем соответствующие коррективы в Закон о 12-й пятилетке и не приведем его в соответствие с Законом о предприятии и другими нормативными документами, принятыми в свете июньского (1987 года) Пленума ЦК КПСС о радикальной экономической реформе, расточительство будет ускоряться, а инфляция обостряться.

— Почему книгу вы назвали «Экономика в человеческом измерении»? Разве может быть экономика не в человеческом измерении?

— Я использовал образное выражение Михаила Сергеевича Горбачева. Оно как нельзя лучше отражает цель перестройки в экономике. Измерение объема производства и производительности труда по валовому продукту, а жизненного уровня по доходам в рублях, на мой взгляд,

является античеловеческим, противоречит не только азам марксистско-ленинской теории, но и здравому смыслу. И его по праву можно именовать **абсурдом в квадрате**. Подтверждением такого вывода являются и размышления человека, далекого от экономической науки, — писателя Даниила Гранина. В статье «Дорога к здравому смыслу», опубликованной в «Правде» в августе прошлого года, он делится размышлениями, которые близки и мне, я готов подписаться под каждым его словом: «Для меня перестройка, демократия, намеченные реформы имеют одно решающее качество — они возвращают нас к здравому смыслу. В этом их отличие от всего того, что было. Они ставят с головы на ноги, убирают абсурдность нашей жизни. Разве не абсурдно было, когда предприятия работали не на потребителя, а на министерство? Когда руководителя колхоза не радует хороший урожай, не радует хорошая погода. Когда лучше запахнуть неубранные помидоры или огурцы, чем раздать их людям. Когда в магазинах продавцы встречают нас не с радостью, а с досадой, так же как и врач в поликлинике или администратор в гостинице. Потребитель, покупатель, пассажир просто никому не нужны. Не нужны его деньги... Нигде его не ждут, никто ему не рад. Перестройка — надежный путь к здравому смыслу».

ПИРАМИДА

Критикуя в 1977 году в «Правде» затратный механизм, я писал: «Основанием хозяйственной пирамиды являются предприятия и производственные объединения. Ее вершина — Госплан. «Внизу» должна решаться судьба десятков тысяч наименований продукции по договорам и нарядам-заказам. По мере подъема «наверх» пирамиды круг натуральных показателей должен уменьшаться. Для сбалансированного, пропорционального развития народного хозяйства Госплану достаточно контролировать всего лишь несколько сот основных видов продукции. Сейчас в поле его зрения находятся многие тысячи изделий. В результате Госплан СССР оказался на вершине... перевернутой пирамиды...»

В этом году через госзаказы попытались перевернуть пирамиду. С ходу не получилось. С 1989 года вводится новый порядок формирования госзаказов.

В Овальном зале Кремля, где проходят заседания Совмина, по мере перехода на экономические методы управления обстановка заметно накаляется. Из «зала благодущия», которым был долгие годы периода застоя, он превратился в зал принципиальных, порой бескомпромиссных деловых решений крупных народнохозяйственных проблем. Таково мое впечатление от заседания Совета Министров СССР, обсуждавшего доклады председателя Госплана СССР Ю. Маслюкова о проекте плана и министра финансов СССР Б. Гостева о проекте бюджета на 1989 год.

В докладах, выступлениях членов правительства и заключении Председателя Совета Министров СССР Н. Рыжкова отмечались отличия проекта плана на 1989 год от предыдущих лет пятилетки. Главная особенность плана будущего года в том, что он формировался после XIX Всесоюзной партконференции и поэтому в нем сделан заметный поворот к социальной сфере. Рост продукции группы «Б» в следующем году намечается 6,7 против 2,6 процента группы «А», или в 2,5 раза быстрее. Намечено ввести 134 миллиона квадратных метров жилья, что на 12,8 миллиона квадратных метров больше, чем по пятилетнему плану. Больше, чем намечалось пятилеткой, предусматривается построить школ, дошкольных учреждений, детских домов, поликлиник и других объектов соцкультбыта. Предусматриваются меры по выполнению недавних постановлений об увеличении производства товаров народного потребления и услуг.

Важная особенность плана третьего года пятилетки состоит и в том, что на новые принципы полного хозяйственного расчета и самофинансирования будут переведены все отрасли народного хозяйства. Поэтому на заседании было предложено обобщить опыт предприятий и объединений, работающих по-новому в текущем году, и учесть не только положительные стороны, но и отрицательные моменты, чтобы внести соответствующие корректировки и дополнения в нормативные документы.

«Яблоком раздора» при обсуждении проекта плана, по-моему, можно назвать **сбалансированность** (точнее, несбалансированность) многих отраслей и сфер общественного воспроизводства. Несмотря на постановление партии и правительства, запрещающее вносить в Совмин проекты несбалансированных планов, такие проекты поступают, и Президиум Совета Министров вынужден возвращать их по нескольку раз. Обсуждение этой проблемы показало, что в ходе «раскачивания» пирамиды многие вертикальные связи уже оборваны, а горизонтальные еще не установлены. Ряд предприятий в одностороннем порядке отказывается от поставок плановой продукции или заметно сокращает их. Министр путей сообщения Н. Конарев привел данные о том, что по проекту 1989 года намечается сократить поставки электровозов на 31 процент, вагонов — на 23 и полувагонов — на 27 процентов против задания пятилетки. Алтайский завод за десять лет почти в два раза сократил выпуск крытых вагонов и в следующем году намечает уменьшение на 25 процентов.

— А как же такие заводы собираются зарабатывать деньги на зарплату? — спросил председатель.

С места:

— За счет повышения цен они выходят на объем в рублях, необходимый для зарплаты.

Н. Конарев вручил Николаю Ивановичу Рыжкову таблицу, которая свидетельствует о неуклонном росте цен на электровозы, вагоны и многие другие виды продукции. Восьмиосный электровоз ВЛ-10 в 1985 году стоил 256 тысяч рублей, а цена нового двенадцатиосного ВЛ-15 подско-

чила до 915 тысяч рублей, или в 3,6 раза, при росте мощности в 1,7 раза. На 30 процентов повысилась за последние годы цена на алтайские вагоны и на 57 процентов на днепродзержинские платформы. В этой связи Председатель обратил внимание на то, что речь ведь идет не о договорных, а о государственных ценах, необоснованный рост которых в последнее время становится все более заметным и недопустимым. В этом деле, сказал он, идет выжимание цен, вместо того чтобы своим трудом зарабатывать прибыль.

Председатель Госснаб СССР Л. Воронин рассказал о результатах анализа заявок по 1000 видов продукции, которая проходит по контрольным цифрам. Выяснилось, что 20 процентов предприятий предлагают выпуск этой продукции в следующем году на 15—30 процентов меньше, чем в текущем. Так, Сыктывкарский ЛПК в 1987 году произвел 10,2 тысячи тонн бумаги этикеточной, на этом же уровне и 1988 год, а на следующий год полный отказ. Полностью отказывается от ее производства в 1989 году и Рижская бумажная фабрика. Производственное объединение «Кран» (Минтяжмаш) в 1987 году выпустило 408 ленточных конвейеров, в этом году ожидается 460, а на следующий предложено... 223 комплекта.

В 1989 году удельный вес госзаказов в машиностроении составит 25 процентов, в топливно-энергетическом комплексе — 59, в химико-лесном — 34, в Минлегпроме — 30 и в Минстройматериалов — 51 процент. Из госзаказа исключена вся продукция внутриотраслевых поставок. Надо ли говорить, что в таких условиях односторонние отказы от заключения договоров и нарушения производственных связей могут привести к непредсказуемым последствиям. В этой связи Председатель посоветовал Льву Алексеевичу обратиться к средствам массовой информации. Печать, сказал он, активно и справедливо в этом году критиковала систему госзаказов, когда они сплошь и рядом достигали 100 процентов выпускаемой продукции. Теперь она должна столь же активно критиковать необоснованные отказы или уменьшение выпуска необходимой продукции и содействовать более плавному переходу от вертикальных (административных) к горизонтальным (экономическим) связям.

В докладах и выступлениях немало было высказано критических замечаний в адрес строительства. Прирост в прошлом году незавершенного производства на 8 миллиардов рублей омертвил 8 миллионов тонн цемента. Увеличивается количество неустановленного оборудования. Во всех комплексах выявлено опережение роста объемов капитальных вложений против ввода основных фондов. Нет ни одного министерства, где можно было бы ощутимо почувствовать борьбу с распылением средств. На каждый строящийся объект в среднем ныне приходится около 12 человек (меньше приличного кооператива). Именно отсюда «растут ноги» долгостроев. На заседании отмечалось, что новый хозяйственный механизм не срабатывает против распыления капитальных вло-

жений. Предложено изучить этот вопрос и подумать о белорусском опыте и других починах, стимулирующих сдачу объектов в строй.

На заседании отмечалось, что после указа 1985 года заметные успехи достигнуты по ликвидации алкоголизма и пьянства. Прекратились пьянки на производстве и в других общественных местах. Свободнее стало жить и дышать. Вместе с тем отмечалось, что и в этом сложном деле постепенно возобладали административно-запретительные методы. Между регионами возникло негласное «соревнование», кто больше закроет точек по реализации алкогольной продукции и «откроет» зон трезвости. А то, что в этих «трезвых» зонах потребление сахара превышает физиологические потребности и его пришлось продавать по талонам, по-видимому, инициаторов мало волнует. На заседании было предложено при реализации водки и крепленых вин строго руководствоваться соответствующим постановлением о нормах их реализации. Что же касается сухих вин, шампанского, коньяка и пива, то их разрешено продавать в продовольственных магазинах и предложено покончить с очередами, унижающими человеческое достоинство.

Принципиальный, деловой разговор состоялся о финансовом положении в народном хозяйстве. Стыдливо умалчивая об инфляции и бюджетном дефиците, прежнее руководство экономикой страны загоняло эти болезни внутрь, что в конечном итоге не могло не вести к их обострению. Б. Гостев отметил, что наметилось финансовое улучшение ряда предприятий. Но в целом положение тревожное. Продвинуться в решении проблемы дефицитности бюджета пока не удастся. Впервые, сказал он, этот вопрос будет выноситься на сессию Верховного Совета СССР. Только на покрытие убытков государстве ежегодно теряет свыше 11 миллиардов рублей. Правительство наметило систему мер по ликвидации убыточности в ближайшие годы вплоть до закрытия таких предприятий и трудоустройства занятых там людей на другие объекты. Отсутствие должного контроля за соотношением роста производительности труда и зарплаты привело к опережающему росту доходов.

Обобщая в заключение проделанную работу по составлению плана 1989 года, Николай Иванович Рыжков сказал, что удалось добиться немалого, но впереди большая работа. При этом он особо подчеркнул, что от выполнения плана будущего года в значительной мере зависит судьба пятилетки. Если мы с ним не справимся, то наверстывать упущенное в последнем году будет практически нереально. Поэтому 1989 год во многом определит, будет ли выполнена пятилетка, покажет, с чем мы идем к XXVIII съезду КПСС, на котором надо доложить партии и народу о выполнении решений XXVII съезда партии.

Покинув Кремль, мысленно я еще долго оставался в Овальном зале: прокручивал и сопоставлял услышанное с тем, что говорил мне накануне в интервью для «Правды» о нашей экономике известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии Василий Леонтьев. Чем больше я думал, тем больше возникало: почему? Почему?

В правительстве, как правило, умные, опытные и преданные делу люди. Всей душой и сердцем они стараются преодолеть тяжелое наследие. Не жалея себя, работают допоздна и в выходные дни (кстати, заседание проходило в субботу). Со многими из них давно знаком и имел неоднократные беседы. Они прекрасно знают свои недостатки и пути их преодоления. Почему же мы не можем добиться коренного перелома в экономике? Почему? Думается, прежде всего потому, что у каждого из них на первом месте ведомственные интересы и показатели, которые не стыкуются в должной мере с общественными интересами. Ведь в 12-й пятилетке объективно усилилось господство затратно-расточительных показателей и достигло своего апогея. По-прежнему действует принцип: чем больше расточительство, тем «выше» эффективность производства. Образно говоря, мы боремся с бесхозяйственностью не единым мощным межведомственным кулаком, а растопыренной пятерней.

Еще в 1925 году наш 19-летний аспирант Берлинского университета Василий Леонтьев в немецком журнале опубликовал статью о балансе народного хозяйства СССР за 1923—1924 годы. Он увидел в этом начинании большое будущее, но отнесся к нему критически и предложил различать валовой продукт, включающий повторный счет предметов труда, от реального валового продукта, и указал на опасность их отождествления. С этого вскоре и начался триумф Василия Васильевича. 82-летний Леонтьев и поныне завален заказами из других стран мира, и особенно много их из Японии. В том же году его статья в переводе была опубликована и у нас. Но мы не воспользовались его советами. Вот уж поистине в своем отечестве нет пророка. Игнорируем их и поныне. А ведь сумма повторного счета, или так называемого «воздушного вала», в 1985 году достигла 541 миллиарда рублей. Ее удельный вес в валовом общественном продукте составил 39,2 процента. Надо ли доказывать, что стоимостные расчеты общественной производительности труда, эффективности производства и другие показатели, определяемые на столь завышенной основе, искажаются, как в кривом зеркале.

Двенадцатая пятилетка составлена на прежних затратных принципах, деформирующих цель социалистического производства. В статье второй Закона СССР о пятилетке записано: «Установить следующие основные показатели Государственного плана экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы» — и далее перечисляется 11 показателей, часть которых определяется на базе валового продукта (включающего повторный счет) от достигнутого уровня, который долгие годы раздувался за счет искусственного расширения повторного счета, удорожания продукции путем повышения ее материалоемкости, роста цен, «вымывания» дешевого ассортимента, а зачастую и... приписок. На затратном принципе построены и Основные направления экономического развития до 2000 года, утвержденные этим же законом.

В докладе на XIX партконференции сказано: «Как же много у нас тех, кто верно служит его величеству «валу»! Они утверждают, что-де

товарная и чистая продукция в новых условиях применяется «расчетно» для «аналитических целей». Но это не соответствует действительности. Многоликий вал «душит» хозяйственников пуще прежнего и все сильнее толкает их на расточительство. К закону приспособили новые инструкции и нормативы. Во всем просвещенном мире расход материальных ресурсов определяется на единицу изделия, а у нас — чохом на рубль товарной продукции. До сих пор господствует пресловутый «миллионник». Там зарплату определяют по трудоемкости и качеству выпущенной продукции, а у нас — по объему в рублях, что открывает немало каналов для «накачивания» в оборот незаработанных денег.

Переворачивать пирамиду надо не Силой, а Умом. Почему во всем мире, как и многие наши кооператоры и арендаторы, гоняются за госзаказами, а государственные предприятия и колхозы отбиваются от них как черт от ладана? Потому что первые имеют реальную экономическую самостоятельность, а вторые — бумажную. Над ними как дамоклов меч висит план в рублях, который сплошь и рядом противодействует 100-процентному выполнению договоров. Отбиваясь от госзаказов и сокращая выпуск дешевой и трудоемкой продукции, они хотят побольше произвести дефицитной продукции, реализация которой по более высоким ценам обеспечивает им темпы, зарплату и частично нужный дефицит в порядке натурального обмена.

По мере создания экономических условий, при которых государственные предприятия и колхозы начнут охотиться за госзаказами, пирамида плавню займет нормальное положение.

Искусственное накручивание денежного объема ради вытягивания плановых темпов и обеспечения зарплаты ведет к тому, что на каждый рубль национального дохода приходится все меньше и меньше важнейших видов продовольствия, промтоваров и жилья в натуральном выражении. В 1985 году их приходилось примерно в 2 раза меньше, чем в 1965 году, и в 4—5 раз — по сравнению с 1950 годом. В первые два года текущей пятилетки наметилась тенденция к ускорению этого процесса. Поэтому пора прекращать бессмысленный «марафон» за рублями и миллионами тонн стали, цемента и других видов продукции, по производству которых мы обогнали весь мир. Согласно цели социалистического производства на первый план надо поставить важнейшие виды предметов потребления, и чем с меньшим расходом трудовых и материальных ресурсов мы их произведем, тем лучше! Нужен решительный поворот к целевому принципу хозяйствования. Печальный опыт «реформы» 1979 года подсказывает: если мы к этому времени не приступим с будущего года, то до конца пятилетки прекрасные идеи радикальной экономической реформы могут быть дискредитированы.

Свои размышления хочу закончить словами Михаила Сергеевича Горбачева на XIX партконференции:

— Нам нужны не просто миллионы тонн стали, миллионы тонн цемента, миллионы тонн угля, а конкретные конечные результаты. До

каких же пор мы будем вращаться в порочном кругу безнадежно устаревших представлений и формул — «производство ради производства» и «план ради плана»?

ДЕЛОВИТОСТЬ

Все познается в сравнении. Если бы при встрече Нового, 1985 года мне сказали, что через три года на страницах «Правды» будут печататься публицистические заметки с правительственных заседаний, то подобное предсказание было бы расценено как новогодняя шутка. Даже в феврале 1988 года, обращаясь в правительство с просьбой о публикации заметок с заседания Совета Министров СССР, мы особой надежды на такую возможность не питали. Как же крепко укоренились в нас прежние стереотипы избирательной информации и мания сверхсекретности! Теперь заметки о работе правительства в «Правде» стали нормой, а придя на недавнее заседание, участники были немало удивлены. Еще бы! В Овальном зале в полной боевой готовности находилась... телеаппаратура.

В процессе заседания выяснилось, что Председатель Совета Министров СССР Н. Рыжков еще в ходе подготовки обсуждения правительством второго вопроса повестки дня «О выполнении решений ЦК КПСС и Совета Министров СССР по производству и повышению технического уровня оборудования для перерабатывающих отраслей агропромышленного комплекса» попросил руководство Гостелерадио организовать на эту тему серию передач в популярной ныне программе «Прожектор перестройки». Он выразил глубокую благодарность всем, кто принимал участие в их подготовке. В программе «Время» были показаны фрагменты с заседания правительства, а затем передан подробный отчет. В нем отсутствовали парадные фрагменты. И это не случайно.

Дело в том, что заседание Совета Министров СССР было характерно не только новыми параметрами гласности и непривычной откровенности, но и принципиальной деловитостью. Последнее нашло отражение и в повестке дня. Раньше Совет Министров ежеквартально обсуждал итоги выполнения плана и намечал необходимые меры на предстоящий период (квартал, полугодие). На этот раз повестка первого вопроса была сформулирована так: «О ходе социально-экономического развития страны и задачах по завершению 1988 года». И это не простое изменение формулировки повестки дня, а принципиально иной подход к обсуждению проблем. Раньше выступавшие рассказывали об итогах выполнения плана на порученном участке (естественно, выделяя при этом наиболее благополучные показатели), предъявляли претензии к другим ведомствам и после напоминания о регламенте переходили к самокритике и заверениям, что «отрасль» с поставленными задачами безусловно справится». По-иному проходило обсуждение актуальных во-

просов на последнем заседании. Если оратора «заносило» в старую колею и он начинал речь о достижениях, то председатель тактично напоминал ему, что в представленной им справке все данные об успехах имеются, и просил объяснить причины недостатков или ответить на конкретные вопросы.

Один пример. Когда первый заместитель председателя Госагропрома СССР Е. Сизенко начал говорить о росте производства сельскохозяйственной продукции по сравнению с соответствующим периодом прошлого года, председатель сказал:

— Мы все это читали. Скажите, вы удовлетворены работой Госагропрома?

Выступающий ответил, что ниже у него будет много самокритики и критики, и продолжал говорить о процентах и темпах роста...

— Я вас буду прерывать. Пусть это будет нарушением демократии,— снова вступил в разговор председатель.— Но вы скажите правительству: сколько мы съедаем своего и «чужого», закупленного на валюту?

И после паузы председатель продолжил:

— Ведь каждый пятый килограмм едим не свой. А на будущий год при ваших темпах и процентах уже каждый четвертый килограмм будет закупленным. 50 миллионов тонн зерна закупаем. В 70-е годы растительное масло экспортировали, а сейчас 800 тысяч тонн импортируем. Примерно половину сухофруктов закупаем, а свои гниют. Вот об этом вы должны говорить. Как дальше жить будем?

После сообщения Ю. Маслюкова председатель обратил его внимание на тот факт, что за 9 месяцев денежные доходы увеличились на 9,1 процента. Это почти 3-летний лимит роста. Такого у нас никогда не было. Деньги дают рынок. Н. Рыжков спросил:

— Какие меры намечает Госплан для установления соотношения между товарным накоплением и денежными доходами, чтобы они отвечали экономическим законам?

Отвечая на вопрос, Ю. Маслюков сказал, что с этих позиций они изучают экономические и юридические аспекты арендных и кооперативных отношений и готовят соответствующие документы. В государственном секторе поставлен вопрос о второй модели хозяйственного расчета и с января 1989 года вводится поквартальный контроль за соотношением роста производительности труда и фонда зарплаты. В сложившейся ситуации подобный контроль необходим, но возврат к одной из худших административных мер наводит на грустные размышления.

Начну с двух моделей полного хозяйственного расчета и самофинансирования. Строго говоря, это не модели хозрасчета, а принципы распределения дохода, получаемого за объем производства в рублях. Оплата не по труду, а по рублю давно укоренилась в нашей практике и является базой для уравниловки и иждивенчества. Выполнение плана

в рублях при невыполнении заданий по выпуску продукции (сдаче объектов) в натуральном выражении включало зеленый свет для коллектива к кассе. По этому каналу ежегодно поступали в оборот миллиарды незаработанных денег. Особенно много их выдано в 10-й и 11-й пятилетках, когда корректировки планов были массовым явлением и зарплата сохранялась не только при срывах выпуска товаров в натуре, но и при уменьшении плана в рублях.

В свете постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 17 сентября 1986 года Госпланом СССР утверждено «Типовое положение об образовании фонда заработной платы министерства (ведомства), объединения, предприятия, работающего на новых методах хозяйствования». О парадоксах этой инструкции подробно говорилось в «Правде» в одном из ноябрьских номеров 1986 года. Коротко суть в следующем. Согласно этому документу фактический фонд зарплаты предприятия «привязывался» к достигнутому объему товарной продукции и превращался в базу — «печку», от которой предлагалось танцевать дальше. Сокращение объема товарной продукции автоматически уменьшает базовый фонд зарплаты (даже при росте выпуска товаров в натуре за счет дешевых изделий). Прирост объема в рублях (опять-таки независимо от выпуска реальной продукции и выполнения хоздоговоров) увеличивал зарплату. Вот на этой теоретически несостоятельной, а практически расточительной основе и построены обе действующие модели распределения доходов.

Тут невольно возникает вопрос: если порочная система определения фонда зарплаты существует давно, то почему именно сейчас произошел небывалый скачок незаработанных доходов? Раньше над зарплатой был «железный потолок» — плановый уровень средней зарплаты, помноженный на количество рабочих. И ни копейки больше! Такой «порядок» справедливо критиковали, и теперь его отменили. Но зарплату не поставили в зависимость от реально производимой продукции, а продолжаем платить по затраченным рублям. Закон о государственном предприятии дал коллективам немало свободы и самостоятельности. Многие из них воспользовались этим для ускорения процесса «вымывания» дешевого ассортимента и завышения цен на новые виды продукции под самыми благовидными предлогами. Мощность «пылесоса», втягивающего в оборот нетрудовые деньги, резко возросла. Результат налицо! Введение контроля за соотношением роста производительности труда и зарплаты в сложившихся условиях, на мой взгляд, не может дать желаемого результата. Почему? Потому что производительность труда определяется на базе объема производства в затратных рублях; и поэтому ради сохранения зарплаты будут включены все рычаги искусственного накручивания объема товарной и чистой продукции. Указанный контроль еще больше укрепит господство вала во всех его ипостасях. Все возвращается на круги своя. Где же выход?

В опубликованных материалах «Деловых клубов» на страницах «Правды» предложен ряд вариантов научного определения производительности труда и фонда зарплаты по трудоемкости и качеству фактически выпускаемой продукции. Назову лишь один из них — опыт столичного объединения «Динамо». Вал удушил его, но многие специалисты и организаторы этого метода живы. Сохранилась и литература о нем. Более того, в Сибири на Алтайском заводе тракторного электрооборудования до сих пор применяется опыт динамовцев. Но его массовое применение несовместимо с оценкой работы и стимулированием по объему в рублях. Иначе говоря, с погоней за валом (товаром) ради темпов и зарплаты.

В швейной промышленности накоплен богатый опыт применения для определения производительности труда и фонда заработной платы по нормативной стоимости обработки (НСО). Тут зарплата никак не «перепрыгнет» производительность. Но этот показатель не оказывает должного внимания на удовлетворение спроса, так как основным оценочным и фондообразующим показателем является объем поставок в рублях по розничным ценам, который, видимо, не без основания назван «механизмом вымывания дешевых изделий и завышения цен».

Докладывая о финансовом положении, Б. Гостев сказал, что план по доходам выполнили все союзные республики. В этой связи председатель спросил:

— Как же получается, что все союзные республики сводят концы с концами, а союзный бюджет выходит на финиш года с большим дефицитом? Объясните членам правительства, что это за механика?

— Когда составлялся бюджет, мы считали необходимым всю тяжесть дефицита, который не обеспечивался при разработке планов, взять на союзный бюджет, чтобы укрепить низовое финансовое звено,— объяснил министр.

— Какое же это укрепление?

— На следующий год расходы распределены пропорционально между союзным и республиканскими бюджетами.

При обсуждении второго вопроса отмечалось, что в реализации постановления партии и правительства о коренном переломе в развитии перерабатывающей промышленности имеются позитивные сдвиги и ведется большая подготовительная работа. Вместе с тем выступавшие привели немало фактов о том, что многие задания по выпуску оборудования на 1988 год сорваны, а на 1989 год — находятся под угрозой срыва. Немало нареканий высказано на необоснованное завышение цен на новое оборудование. Приводились многие примеры, когда производительность (мощность) новых видов продукции повышается в 2—3 раза, а цена — в 5—15 раз. Министерство общего машиностроения СССР при увеличении емкости куттера для колбасного производства повысило цену с 4,2 до 200 тысяч рублей, или в 48 раз! Завышение цен на новую продукцию стало притчей во языцех. По этому поводу было немало указа-

ний, а цены все растут и растут. В чем тут дело? В этой связи вспоминается такой факт.

После смерти Сталина партия и правительство приняли ряд постановлений, обязывающих промышленность оказывать помощь сельскому хозяйству. Тресту «Азнефтеэлектромонтаж», в котором я тогда работал, предложили электрифицировать ряд колхозов и совхозов. В связи с резким сокращением добычи нефти в Баку мы многое могли бы сделать для села, но не сделали. Почему? Когда мы познакомились со сметами новых заказчиков, то выяснилось, что аналогичные объекты, построенные нами для нефтяников, были в 4—5 раз дороже. Для опор линий электропередачи мы, например, использовали дорогой металл, медные провода, а нам предлагали строить на деревянных опорах с алюминиевыми проводами. В результате производительность труда (выработка в рублях на человека) падала в 3—4 раза, фонд зарплаты повышался с 15 до 45—50 процентов. Для нашего министерства такие условия оказались совершенно неприемлемыми. Ведомственные и коллективные интересы столкнулись с общественными и «победили» их! Нынче противоречие между ними еще больше обострилось.

Министерства оборонных отраслей промышленности и машиностроительного комплекса, осваивающие выпуск оборудования для переработки сельскохозяйственной продукции, имеют на 1988 и 1989 годы солидные задания по росту темпов выпуска товарной продукции. Увеличение товарной продукции от достигнутого уровня предопределяет рост производительности труда и фонда зарплаты. Не секрет, что указанные ведомства выпускают не дешевую продукцию, и выработка тут на человека высокая, и зарплата тоже. Как ее сохранить? Искусственно завышать цены на продукцию для агропрома? Именно на этот путь толкают сейчас производителей и тем самым загоняют проблему в очередной тупик.

Я буду очень рад, если ошибусь. Но мой 30-летний опыт изучения хозяйственного механизма подсказывает: если мы не прекратим погоню за дутыми рублевыми темпами, на деле не превратим затратные показатели (товарную, реализованную и чистую продукцию) в расчетные, не «привяжем» зарплату к трудоемкости и качеству выпускаемой продукции, а материальные ресурсы к нормативам по конкретным изделиям, то радикальная экономическая реформа в конечном счете разделит печальную участь своих предшественниц 1965 и 1979 годов.

Как и на предыдущем заседании правительства, многие говорили о серьезных недостатках нового хозяйственного механизма в строительстве, который не только не содействует сокращению незавершенного производства и распылению капитальных вложений, но и еще больше обострил эти проблемы. На мой взгляд, последнее вполне закономерно. Пока планирование и расход фонда зарплаты строителей будет определяться по объему строительно-монтажных работ, разговоры о со-

крашении сроков строительства объектов и снижении их стоимости останутся лишь благими пожеланиями.

О новом механизме строительного комплекса говорили много. А в конечном итоге выясняется, что его суть старая: оплата производится не за сданные объекты по их сметной трудоемкости, а по валу, и ресурсы выделяются, как и прежде, на базе пресловутого «миллионника». Сколько об этих пороках было написано и говорено? Как тут не вспомнить дедушку Крылова: «А Васька слушает, да ест!». На заседании ставился вопрос об экономии 5—12 процентов материальных ресурсов. Но как можно всерьез говорить об экономии, если она определяется расходом их на миллион рублей валовой продукции по сравнению с предыдущим периодом? Экономия и применение дешевых материалов ведут к снижению объема строймонтажных работ, а следовательно, автоматически увеличивается расход их на рубль. Думается, что пока будет господствовать вал, расточительство будет неуклонно возрастать.

На заседании правительства отмечалась большая работа, проведенная после июньского (1987 года) Пленума ЦК КПСС по сокращению государственного аппарата на 30—40 процентов. Большие возможности для сокращения управленческого звена на предприятиях, в организациях и учреждениях. На шахте «Октябрьская» производственного объединения «Воркутауголь», например, на 1880 производственников — 248 руководителей. В этой связи председатель просил средства массовой информации обратить особое внимание на этот резерв для сокращения. Ибо в печати до сих пор делался упор на верхние эшелоны управления, где эта работа проходила наиболее активно.

Большое внимание на заседании было уделено социальным проблемам. Именно они определяют и политический, и психологический климат в нашей стране. Это новое явление. В прошлые годы прежде всего учитывалось, сколько произведено чугуна, стали, цемента и т. д. Это тоже важно. Но сегодня необходимо оценивать экономические результаты в первую очередь по человеческому фактору, по реальному повышению материального благосостояния и культурного уровня народа.

«ЖЕЛАЮ УСПЕХА ПЕРЕСТРОЙКЕ!»

Беседа с известным американским экономистом Василием Леонтьевым.

Василий Васильевич Леонтьев возглавляет Институт экономического анализа при Нью-Йоркском университете. Он родился в Петербурге в 1906 году. В 1924 году окончил Ленинградский университет и работал на кафедре экономической географии до отъезда в 1925 году в Германию. В 1926—1927 годах работал над докторской диссертацией в Берлинском университете. Затем — работа в Институте мирового хозяйства

в Киле. В 1928—1929 годах был советником правительства Китая в городе Нанкине. С 1931 года живет в США, где занимается научной деятельностью: сначала в Гарвардском, потом в Нью-Йоркском университетах. В 1973 году за разработанные методы экономического анализа (модель «затраты — выпуск») ему была присуждена Нобелевская премия, а в 1988 году избран иностранным членом АН СССР. Он один из учредителей недавно созданной в США новой антивоенной организации «Экономисты против гонки вооружений».

Недавно Василий Леонтьев приезжал в Москву. В беседах с ним, состоявшихся в «Правде», приняли участие Д. Валовой, политический обозреватель газеты Г. Васильев и заместитель генерального директора объединения «Фрезер» по экономике профессор Ф. Рудник.

Г. ВАСИЛЬЕВ:

— Василий Васильевич, как вы чувствуете себя в нашей стране, являющейся вашей родиной, и что можете сказать о происходящих у нас переменах?

В. ЛЕОНТЬЕВ:

— Я ученый и могу уверенно говорить только по тем вопросам, которые хорошо знаю. Одно могу сказать вам со всей определенностью: перестройка и гласность — это замечательно! То, что делается сейчас в Советском Союзе, имеет огромное значение не только для вас, но и для всего мира. Я от всей души желаю успеха перестройке.

— Какое у вас складывается впечатление с учетом встреч и бесед в Москве?

— Если говорить коротко: перестройка, начатая в Советском Союзе, — это большое революционное дело. Скажем прямо: безусловно, положение дел в советской экономике в последнее время было неблагоприятным. Жизнь людей очень трудная. Темпы развития замедлились. Главное то, что не работали стимулы. Мое впечатление — проблема эта не чисто экономическая, а политико-экономическая. Фактор заинтересованности — вот что чрезвычайно важно, чтобы люди хорошо работали. Об этом знал Ленин, когда вводил энп. Надо задействовать рыночный механизм.

Я увлекаюсь парусным спортом и, когда объясняю студентам, как функционирует экономика страны, сравниваю ее с яхтой в море. Чтобы дела шли хорошо, нужны ветер, — это заинтересованность. Руль — государственное регулирование. У американской экономики слабый руль. Нельзя делать так, как говорит Рейган: поднимите паруса, пусть их наполнит ветер, и идите в кабину коктейли пить. Так нас и на скалы вынесет. Разобьем яхту вдребезги. У Советского Союза сейчас наоборот: ветер не наполняет паруса, а тогда и руль не помогает. Я думаю, что правильно делают японцы. У них есть частная инициатива, но и государство играет большую роль, влияя на развитие экономики в лучшем направлении. Из всех капиталистических стран, у которых в настоящее время можно чему-то поучиться, я бы выбрал не США, а Японию.

Так что, если говорить о преобразованиях в советской экономике, нужна комбинация: часть ответственности за принятия решений и их осуществление останется в руках государства, а часть — у отдельных

предприятий, коллективов. Самое трудное в этом — найти правильную комбинацию. Не менее важен и выбор показателей измерения результатов работы и их стимулирования.

— Вы не родственник известного советского экономиста Л. Леонтьева?

— Нет, мы с ним совсем не знакомы, но в период разгула в США маккартизма меня спутали с тем Леонтьевым и привлекли к суду. Но в ходе судебных заседаний выяснилось, что произошла ошибка, и дело было прекращено.

Д. ВАЛОВОЙ:

— Василий Васильевич, вы общепризнанный мастер экономических расчетов. И мне хотелось бы услышать ваше мнение об одном расчете. Суть его в следующем. Абстрагируясь от ряда факторов, возьмем на 1000 рублей предметов труда и проследим их технологический путь — от сырья до машины, поступившей потребителю. Если фонд заработной платы и норма рентабельности установить 20 процентов, то мы получим следующую таблицу:

Стадии	Предметы труда	Зарплата	Прибыль	Всего	
I	a/1000	200	—	1200	Чугун
	6/1200	240	288	1728	Сталь
II	1728	345	415	2488	Прокат
III	2488	498	597	3583	Детали
IV	3583	717	860	5160	Мотор
V	5160	1032	1238	7430	Трактор
VI	7430	1486	1783	10699	Бульдозер
Сумма	22589	4518	5181	32288	

Как видим, стоимость сырья 6 раз включалась в объем производства. Правоммерно ли полученные таким образом 32288 рублей считать стоимостным объемом производства и использовать его для измерения экономического роста?

— Разумеется, нет. Реальный валовой продукт в вашем примере будет:

$$1000 + 4518 + 5181 = 10699$$

Я еще в 1925 году писал об опасности отождествления суммы повторного счета с объемом реальной продукции. Вы развили мою таблицу полувековой давности. Вот мой пример нарастания ценностей в валовом продукте:

Ступени		Издержки	Чистый продукт	Валовой продукт
I		2	1	3
II		3	4	7
III		7	5	12
Сумма		12	10	22

В отличие от моей таблицы у вас 6 стадий, что отражает развитие специализации, без которой научно-технический прогресс просто немыслим. И кроме того, вы чистый продукт разделили на его составные части — зарплату и прибыль. Но суть наших таблиц одинакова: они исключают повторный счет предметов труда и показывают, по моему определению, «реальный валовой продукт», который в моем примере будет:

$$2 + 10 = 12$$

Вместе с тем в своем пояснении я отмечаю, что и «сумма валового оборота» (22) имеет свой научный смысл для определенных целей...

— Но она непригодна для измерения стоимостного объема производства и темпов роста производительности труда.

— Безусловно. Тем более что по мере развития специализации и кооперирования разрыв между валовым оборотом и реальным валовым продуктом неуклонно увеличивается.

А вы не пытались сделать суммы повторного счета и на ее основе показать несостоятельность применения валового оборота для названных целей?

— В ходе перестройки я сделал расчет структуры валового продукта и опубликовал его в недавно выпущенной Политиздатом книге «Экономика в человеческом измерении». В 1965 году сумма повторного счета составляла 158 миллиардов рублей, или 37 процентов валового продукта. В 1985 году она уже превысила 540 миллиардов рублей, а ее удельный вес в структуре валового продукта поднялся до 39 процентов. Если к сумме повторного счета добавить более 200 миллиардов рублей сверхнормативных запасов и незавершенки в строительстве, которые согласно марксистско-ленинской теории воспроизводства не включаются в стоимость совокупного общественного продукта и не принимают участия в ее образовании, то валовой оборот превысит, по вашей терминологии, «реальный валовой продукт» в два раза. Естественно, что расчеты экономического роста, производительности труда, эффективности и других показателей на такой базе искажаются, как в кривом зеркале.

— Но такие расчеты экономически вообще бессмысленны...

— И тем не менее они, к сожалению, пока еще не только применяются, но и стимулируется рост определяемых таким путем затратных показателей. Это толкает производителей на искусственное расширение повторного счета, завышение цен и «вымывание» дешевого ассортимента.

А как вы относитесь к чистой продукции, то есть национальному доходу на государственном уровне?

— Как к термометру. Если температура повысилась или понизилась, то термометр не может объяснить, почему это произошло. На увеличение или снижение национального дохода оказывает влияние ряд

факторов, включая и затратные (зарплата). Поэтому каждый раз мы должны тщательно анализировать причины его динамики и делать необходимые практические выводы.

— Василий Васильевич, для знакомства читателей с вашей методологией скажите, пожалуйста, как родился метод «затраты — выпуск», что он собой представляет?

— Чтобы прогнозировать развитие экономики, нужен системный подход. Экономика каждой страны — это большая система, в которой много разных видов деятельности, и каждая из них что-то производит — промышленную продукцию, услуги и т. д., которые передаются другим отраслям. Каждое звено, компонент системы может существовать только потому, что оно получает что-то от других. Все это можно свести в таблицы. Это как расписание поездов — откуда, куда, в какое время приезжают.

— И где встречаются?

— Вот именно. Сейчас эта методология хорошо развита в экономике ведущих капиталистических стран. Мы изучаем одну страну, беря в расчет до шестисот — семисот отдельных отраслей, японцы доходят до двух тысяч.

— Вы разрабатывали свои методы еще до того, как компьютеры появились?

— Да, до компьютеров. Мне, можно сказать, повезло. Хотя, по правде говоря, везет всегда тому, у кого голова на плечах. Еще очень молодым я решил, что для того, чтобы понять, как работает экономическая система, надо иметь громадное количество информации и хорошие методы ее анализа. Я всегда интересовался не только теорией, но и фактами.

— В чем специфика вашего подхода к расчетам?

— Допустим, надо рассчитать эффективность производства хлеба. Мы делаем расчет: сколько на одну тонну расходовать муки, дрожжей, молока и т. д. По всем компонентам согласно рецепту. Затем определяем трудовые затраты в нормо-часах. Все эти расчеты делаются в натуральных (физических) показателях. Очень важно сразу не в деньгах считать. На основе расчетов расхода материальных ресурсов и трудовых затрат на конкретное изделие или объект анализируются и сравниваются предполагаемые результаты в деньгах.

Аналогичный подход применяется и при расчете любых видов продукции — стали, автомобилей, обуви. Все подготовленные расчеты выполняются не в деньгах. В них учитывается расход по всем компонентам, необходимым для данного вида продукции. И лишь затем с учетом цен и уровня зарплаты выбирается наиболее эффективный вариант выпуска конечной продукции. С учетом такого анализа, например, текстильная промышленность в свое время перекочевала из развитых стран

в отстающие, так как требовалось много рабочих рук. А сейчас благодаря новой технике она возвращается назад.

— Вы усовершенствовали практическое применение трудовой теории стоимости Маркса?

— В современных условиях она оказалась усеченной, так как теперь практически нет бесплатных даров природы. Возьмите очистку воды в Москве. Это целая отрасль. Бесплатное и неограниченное потребление воды содействовало расточительству этого ценнейшего продукта. И кроме того, Маркс не учитывал расходы по экологии, а они ныне являются важной статьей расходов во многих отраслях.

— Как вы оцениваете применяемый у нас балансовый метод планирования?

— То, что делалось у вас до перестройки, на мой взгляд, с трудом оправдывает свое высокозвучащее название. Общесоюзный план составлялся таким образом, чтобы общий выход каждого вида продукции был равен количеству, которое все его пользователи должны получить. Такое применение метода поднимает многие важные вопросы, но не отвечает на них. Оно не объясняет, какие данные и какая методология должны быть использованы для того, чтобы осуществить одновременный баланс многих тысяч статей товаров и услуг, входящих в этот сравнительный анализ национальной экономики.

Огромные масштабы проблемы становятся очевидными, если принять во внимание, что для производства каждого вида продукции необходимо прямое использование других видов и еще большего количества опосредованных. Если экономист начинает подводить баланс любой из статей, увеличивая выход или уменьшая потребление, он вынужден иметь дело с балансом многих, в конечном итоге чуть ли не всех товаров и услуг. Более того, для эффективного планирования нужен не простой баланс. Ведь земля может быть обработана тракторами и лошадьми; электроэнергия получена или из угля, или из природного газа, или из энергии воды. Все эти варианты необходимо свести в бесчисленное количество комбинаций, и каждая комбинация требует своего особого анализа.

Советская пресса приводит немало примеров неверных расчетов. Например, слишком много руды и слишком мало кокса получено для того, чтобы выплавить требуемое количество стали; или недостаточное количество запасных частей производится для того, чтобы поддерживать в хорошем состоянии оборудование, установленное на новых предприятиях. Для того, чтобы разрешить все эти проблемы, экономист должен составлять не один баланс, а несколько, и затем он должен сопоставлять эффективность всех этих альтернативных расчетов в зависимости от того, какова стратегическая цель нынешней экономической политики.

Кстати, приведенная выше таблица была помещена в статье, посвя-

щенной критическому анализу доклада управляющего ЦСУ СССР П. Попова в Совете труда и обороны о балансе народного хозяйства СССР в 1923—1924 годы. Мои замечания на практике не были учтены. Какие последствия? Одно из них — искажение реального положения в экономике — наглядно показано в вашей диаграмме. Подобные расчеты в их динамике необходимо постоянно иметь на всех уровнях хозяйствования. Без научной, достоверной информации о структурных изменениях экономики трудно, а точнее, невысказано определить пути повышения ее эффективности.

— Как вы оцениваете советскую экономическую науку?

— Первое десятилетие после революции было отмечено оживленными экономическими дискуссиями, они велись по всем вопросам — от конкретных задач экономической политики до самых общих экономических проблем. Это было то время, когда коммунист Базаров разработал свою математическую теорию экономического роста, а профессор Кондратьев разработал статистический анализ длинных и коротких «волн» экономического роста, который оказал существенное влияние на труды западных исследователей. Упадок экономической науки в Советской России начался в конце двадцатых годов.

А теперь я хотел бы узнать, как идет перестройка на заводе, какие возникают проблемы, трудности?

Ф. РУДНИК:

— Проблем много. И не только экономических, но и психологических. И последние, на мой взгляд, наиболее сложные, хотя это можно понять. Ведь 70 лет говорили одно, а теперь приходится делать совсем другое. Перестройка мышления — очень важный фактор.

— Вы довольны полученной самостоятельностью?

— Права трудовых коллективов по новому Закону о предприятии значительно расширены. Но на практике многое пробивается с трудом. Так, по закону мы должны сами составлять свои планы на основе заключенных хозяйственных договоров, а на деле нам сверху утверждают темпы роста товарной продукции от достигнутого уровня.

— А чем измеряется этот уровень и что он собой представляет?

— В рублях. Каждый год и пятилетку мы должны увеличивать объем в рублях по сравнению с предыдущим периодом с учетом намеченных темпов роста.

— Такой «порядок» в вашей печати давно критикуется.

— К сожалению, он сохранился и в 12-й пятилетке. Поэтому расширение самостоятельности можно проиллюстрировать так. Раньше у нас были связаны руки и ноги и на рот наклеен пластырь. Теперь гласность дала нам голос, а Закон о предприятии развязал руки. Однако ноги пока еще связаны, и это серьезно сдерживает движение вперед.

— А конкретный пример можно?

— Пожалуйста. Сумма фонда зарплаты зависит от объема товарной продукции все в тех же рублях. Поэтому нас по-прежнему толкают на выпуск дорогой материалоемкой продукции. Мы выпускаем сверло диаметром много тоньше человеческого волоса. Делается оно под микроскопом. Цена на него... 7 копеек, что далеко не покрывает расходы на зарплату. На мировом рынке оно продается по два доллара. А сверло с полстолба стоит 42 рубля. Оно выгоднее. Мы их делаем про запас и тем самым создаем резерв для покрытия перерасхода зарплаты на выпуск дешевой продукции, которую вынуждены производить под нажимом министерства.

— А кто такие несуразные цены устанавливает?

— В действующей системе хозяйствования трудно найти крайнего. По сложившейся у нас традиции авторы — разработчики экономических реформ и принципов образования цен остаются в тени. А когда принятые решения наносят урон народному хозяйству, то во всех бедах винят руководителей правительства, утвердивших эти разработки.

Вот свежий пример. В июне 1988 года принято постановление о пересмотре оптовых цен и тарифов в промышленности и других отраслях народного хозяйства. Необходимость пересмотра цен и приведения их в соответствие с общественно необходимыми затратами давно назрела, и в этом ученые и практики единодушны. Но в принятом документе главный упор сделан на повышение цен и тарифов, которые должны быть введены с 1 января 1990 года. Так, оптовые цены на уголь предложено повысить на 90 процентов, на газ — в 2 раза, мазут — 2,2 раза, цены на нефть как сырье для топлива и химической продукции — в 2,3 раза, на строительные материалы — на 25—30 процентов, тарифы на электрическую и тепловую энергию — от 40 до 65 процентов. Столь высокое массовое повышение оптовых цен на исходные сырьевые ресурсы не может не вызвать цепной реакции роста оптовых цен в обрабатывающих и перерабатывающих отраслях. В конечном счете оно не может не отразиться и на рыночных ценах. Думается, тут не все было продумано до конца. Но мы по-прежнему не знаем разработчиков этого документа и чем они обосновывали необходимость такого решения.

— На Западе давно уже стало правилом предлагать для решения возникающих проблем несколько вариантов, авторы которых в открытом обсуждении защищают свои проекты и в случае принятия являются активными участниками их реализации. Это особенно важно в эпоху технического прогресса, когда его достижения с каждым годом открывают новые возможности для сокращения издержек производства и снижения цен в плановом хозяйстве. Вы не должны допустить роста розничных цен, это опасно для перестройки.

Меня интересует, как вы покупаете металл.

Нам выделяют фонды на тот объем производства, который мы должны сделать по ассортименту...

— А если для новой продукции потребовался новый вид металла?

— Мы его заказываем, а от того, прежнего, отказываемся, но по истечении года, потому что у нас есть договорные обязательства, и в плане уже все заложено, и трудно что-либо изменить в течение года.

— Но ведь может же кто-то сказать: в связи с новинкой нам нужен срочно такой-то сорт металла?

— Пока до этого далеко. Даже выделенные фонды мы выбиваем с металлургических заводов с большим трудом. Они стараются обеспечить нам поставки в тоннах, а по наиболее качественному сортаменту, как правило, срывают. Мы, в свою очередь, не можем дать потребителям наиболее дефицитные виды продукции и срываем договорные поставки.

— Тогда у вас могут возникать диспропорции?

— Они и возникают. Ведь для обеспечения зарплаты и хорошей оценки нашей работы нам прежде всего приходится выполнять план в рублях.

— Но это же глупо...

— И тем не менее такая система существовала десятилетиями. Она противоречила здравому смыслу, и поэтому сейчас мы пытаемся ломать ее, но проходит все это не гладко.

— Понимаю. Это дело не простое. Даже реалистично мыслящий руководитель далеко не всегда признается, что ему недостает здравого смысла. В связи с перестройкой не происходит ли у вас падения производительности труда?

— Я бы это сформулировал по-другому: не падение происходит, а стабилизация настоящей производительности. Ведь раньше производительность труда у нас была накрученная, дутая, в рублях.

— Но меня интересует производительность не в рублях, а в натуре, с учетом качества и количества продукции.

— До этого нам еще далеко. У нас вся производительность — от Госплана до цеха — в рублях. Хотя нам планируется и номенклатура изделий, но министерство в первую очередь интересуется объемом и выработка в рублях!

— Мы слышали, Василий Васильевич, вам приходилось выполнять немало заказов из других стран?

— Да, довелось делать расчеты для Японии, Италии, Норвегии. В Японии меня даже наградили своим самым почетным орденом «Восходящее солнце», сказали, что мои научные работы содействовали ускорению экономического развития страны. Когда я получил приглашение из Италии разработать перспективный план развития транспорта, правительство приняло специальный закон, разрешающий поручать иностранцам такую ответственную работу. Вскоре думаю поехать в Испанию и Марокко. Очень интересное предложение — рассчитать, что экономически выгоднее: рыть ли тоннель под Гибралтарским проливом, который соединит Европу с Африкой, или построить над ним мост?

— В связи с осуществлением у нас радикальной экономической реформы ученые и практики проявляют к вашим работам повышенный интерес. Издатели проявляют готовность издать вашу книгу. Что бы вы порекомендовали из своих работ в этом плане?

— Вот книга «Экономическое эссе». Она недавно переработана с учетом новых тенденций в теории и практике мировой экономики. В ней большое место уделено проблеме количества и качества в экономической науке, критикуется «слепое теоретизирование», показано значение марксизма для современных экономических теорий. Специальные разделы посвящены расцвету и упадку советской экономической науки и методологическому анализу работ ЦСУ по балансу экономики СССР, принципам моих расчетов «затраты — выпуск». В книге можете отобрать работы, представляющие интерес для ваших экономистов.

— Какие пожелания вы хотели бы высказать участникам перестройки?

— Вопрос, над которым я много думаю сейчас, — это трудности на пути перестройки. Ведь то, что вы делаете, в сущности революционные преобразования. Это как переход от феодализма к капитализму. Но ведь перестройка, образно говоря, — это капитальный ремонт в квартире. Хорошо, если на время ремонта ты можешь переехать на дачу. А если такой возможности нет? Огромная страна, почти 300 миллионов человек, и такой капитальный ремонт! Как сделать так, чтобы временно не упала производительность труда, не уменьшился национальный доход, не снизился уровень жизни? В этой связи надо строго контролировать цены, не допускать необоснованного их роста, что очень важно с политической точки зрения, в плане поддержки перестройки народом. Тут дело обстоит сложнее, чем с введением гласности. Плоды гласности люди вкусили сразу, особенно интеллигенция. С преобразованием экономики труднее. Я бы сделал главным приоритетом поддержание уровня жизни. Знаю, что давать советы не всегда разумно. Тем более что я человек посторонний, не знаю всех фактов, относящихся к состоянию вашей экономики. И приехал я в Советский Союз не советы давать, а сам поучиться, узнать, что и как. У меня состоялись чрезвычайно интересные познавательные встречи, за что я очень благодарен их участникам.

СОДЕРЖАНИЕ

Абсурд в квадрате	3
Пирамида	27
Деловитость	33
«Желаю успеха перестройке!»	38

ВАЛОВОЙ Дмитрий Васильевич

АБСУРД В КВАДРАТЕ

Статьи

Редактор К. А. Е л ю т и н

Технический редактор Т. Я. К о в ы н ч е н к о в а

Сдано в набор 15.02.89. Подписано к печати 14.03.89. А 04412. Формат 70 × 108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,26. Тираж 150 000 экз.
Зак. № 138. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ВНУТРЕННИЙ ВЫИГРЫШНЫЙ
ЗАЕМ 1982 ГОДА**

— выпущен 1 января 1982 г. сроком на 20 лет в облигациях достоинством в 25, 50 и 100 рублей.

Облигация в 100 рублей состоит из двух пятидесятирублевых облигаций одной серии с двумя номерами; облигация в 25 руб. является половиной пятидесятирублевой.

Облигации займа свободно продаются и покупаются учреждениями Сберегательного банка СССР.

По Вашему желанию, Сберегательный банк примет облигации на хранение и будет информировать Вас о выигрышах, выпавших на Вашу облигацию.

Ежегодно проводятся 8 тиражей выигрышей:

15 февраля	и 30 марта,
15 мая	и 30 июня,
15 августа	и 30 сентября,
15 ноября	и 30 декабря.

Выигрыши установлены в размере 100, 250, 500, 1000, 2500, 5000 и 10 000 рублей на пятидесятирублевую облигацию, включая ее нарицательную стоимость.

ВЛАДЕЛЕЦ

выигрыша в 10 000 рублей имеет право на внеочередную покупку автомобилей «Волга» или «Жигули», а выигрыша в 5000 рублей — автомобилей «Жигули» различных моделей.

Разница между стоимостью автомобиля и суммой выигрыша вносится владельцем выигравшей облигации.

ЖЕЛАЕМ УДАЧИ!

**...И ждем Вас в учреждениях СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО
БАНКА СССР!**